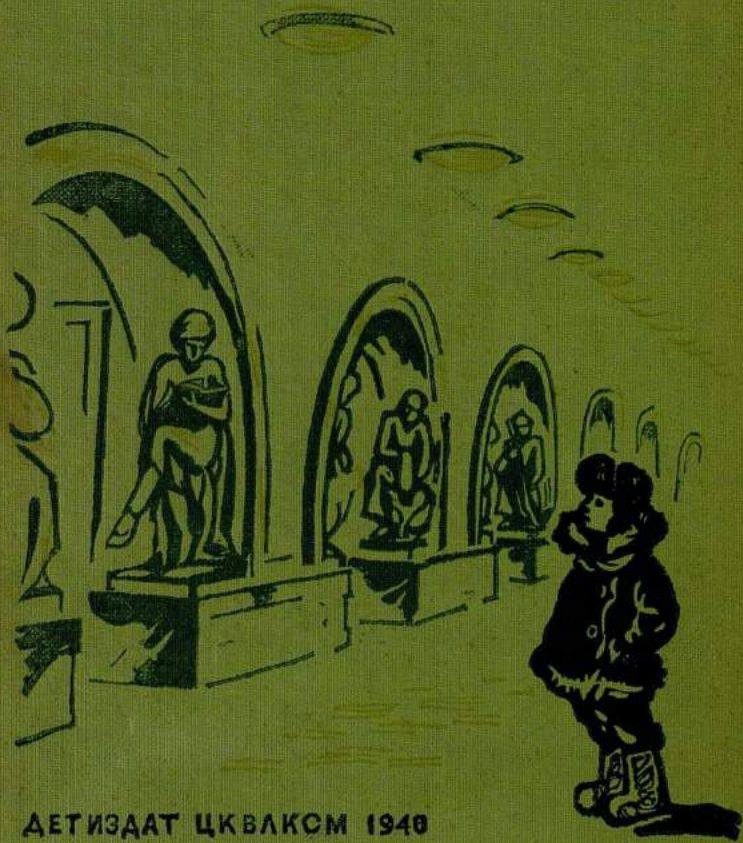

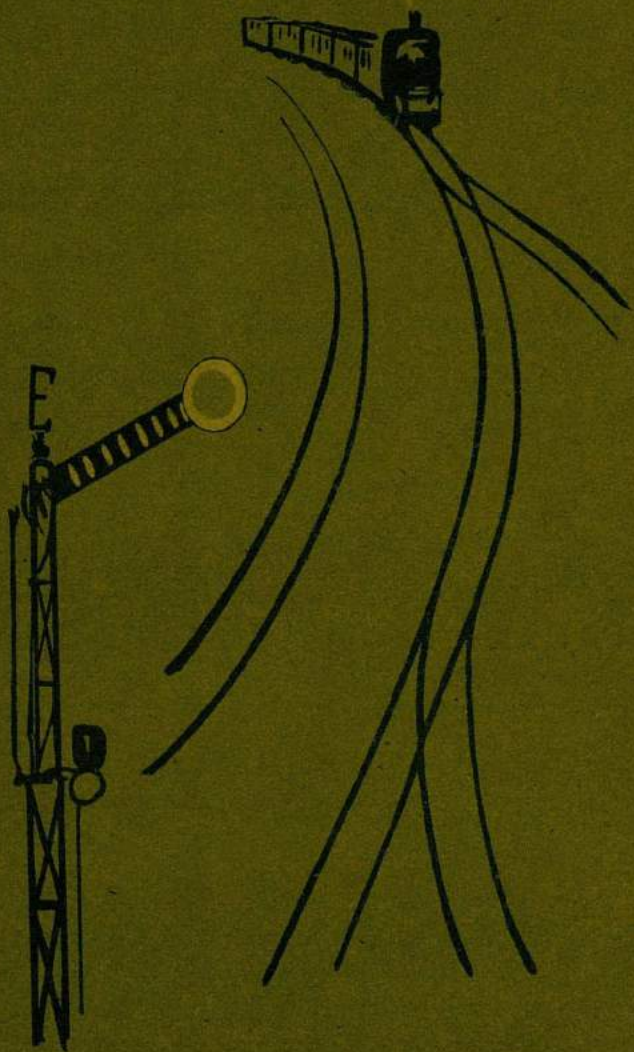
СЕРГЕЙ РОЗАНОВ

Приключения ТРАВКИ

ДЕТИЗДАТ ЦКВЛКСМ 1940

СЕРГЕЙ РОЗАНОВ

P-64

Приключения ТРАВКИ

Рисунки
А. МОГИЛЕВСКОГО

Издание одиннадцатое

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор Н. Максимова.
Художеств. редактор П. Суворов.
Технич. редакторы Р. Крайцова и
И. Семеновская.

Корректоры А. Сапелькина и
С. Либова.

Слано в производство 9/V 1939 г.
Подписано к печати 17/II 1940 г.
Детиздат № 3229. Индекс Д-6.
Формат 70X82¹/₂ 6¹/₂ печ. л.
(7,88 уч.-изд. л.) 21344 экз. в печ. л.
Тираж 50 000. Условно-меченый
Главлита А-23784. Заказ № 850.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Суцеский вал, 49.

29292

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКИХ КНИГ
ДЕТГИЗА

693164 КХ ред

Российская государственная
детская библиотека

ПРО ТРАВКУ

Травка — это мальчик. Он маленький. Посматривает всюду своими глазками, про всё ему хочется узнать. Как первая весенняя травка в поле, смотрит он на весь мир, на солнце, на птичек, на лес и подставляет ветру свою головку.

Очень еще не скоро будет Травка большим и станут его важно называть Митрофаном Трофимовичем или как-нибудь еще. А пока зовут Травкой.

И очень хорошо.

ТРАВКА НА ЛЫЖАХ

Травка с папой и мамой живет в Москве, в Петровском парке. Папа целыми днями на работе. Мама тоже работает. И Травка работает. В детском саду он недавно слепил трехтрубный крейсер. А еще они всей средней группой сделали железную дорогу из спичечных коробок,

катушек и разных других материалов. Жаль только, что поезд не катится сам. Приходится его тащить за нитку. А остальное всё, как настоящее.

Когда в детском саду кончаются занятия, Травка ходит на лыжах. Лыжи купили ему еще в прошлом году. Он выучился смело спускаться с горы и с палками и без палок. И ходит довольно быстро. Даже от папы не отстает, а про маму и говорить нечего. И ребят из детского сада перегоняет всех.

Главное, чтобы ремни на лыжах были в порядке и по ноге; чтобы варежки были потеплее, а то руки будут мерзнуть; чтобы на палках всегда были целы кружки. А выучиться ходить на лыжах не так уж трудно.

ТРАВКА С ПАПОЙ ЕДУТ В ГОСТИ

В выходной день папа поехал к товарищу по работе на дачу кататься на лыжах. Товарищ жил на даче зиму и лето. В детском саду в этот день тоже не было занятий. Папа взял Травку с собой. Лыжи для папы должны были найтись у товарища на даче. А детские, Травкины, лыжи пришлось захватить. Мама тоже оделась и пошла проводить папу и Травку до троллейбуса.

Он выучился смело спускаться с горы и с палками и без палок.

Когда с шуршанием подошел громадный троллейбусный вагон, мама сказала папе:

— Смотри, пожалуйста, чтобы ничего не случилось.

Папа ответил:

— Хорошо.

А Травка промолчал. Он-то знал, что ничего не случится.

НА ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Оба они уселись в мягкие кожаные кресла. Папа держал Травкины лыжи между колен. Водитель троллейбуса взялся за руль и нажал ногою педаль. Троллейбус мягко качнулся и зашуршал громадными колесами по асфальту. Травка прижался к оконному стеклу. Иногда его слегка подбрасывало на сиденье, и тогда он довольно чувствительно стучался носом о стекло.

Навстречу неслись автомобили, троллейбусы, автобусы, открытые и закрытые грузовики. Закрытые грузовики были ярко раскрашены. На некоторых были нарисованы красивые картины. Вот промчался грузовик с надписью „ГАЛАНТЕРЕЯ“. За ним — другой, еще интересней, с надписью „ИГРУШКИ“. И, наконец, попался даже грузовик с надписью „КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР“.

Травка принялся считать, сколько машин попадаетеся навстречу. Он досчитал до тридцати девяти и сбился. Машины замелькали одна за другой так быстро, что за ними нельзя было уследить. Тогда он начал считать только те автомобили, которые обгоняли его троллейбус. Это были большие черные, красные, серые, синие и серебряные машины.

У каждой из них на носу блестело маленькое аэропланное крылышко с красной звездой. Это были ЗИСы.

Травка спросил у папы:

— Папа, почему называется ЗИС, когда это

тоже автомобиль, только побольше и покрасивее?

Папа сначала не понял вопроса, потому что, наверное, думал о другом, хотя и смотрел в окно вместе с Травкой.

Он переспросил сына:

— Что? ЗИСы? Ах, да! ЗИС! Конечно, ЗИСы—автомобили. Они называются так потому, что построены на заводе имени Сталина. Завод—З, имени—И, Сталина—С. Вот и получается З-И-С. А раз завод носит имя Сталина—значит, и машины эти самые лучшие.

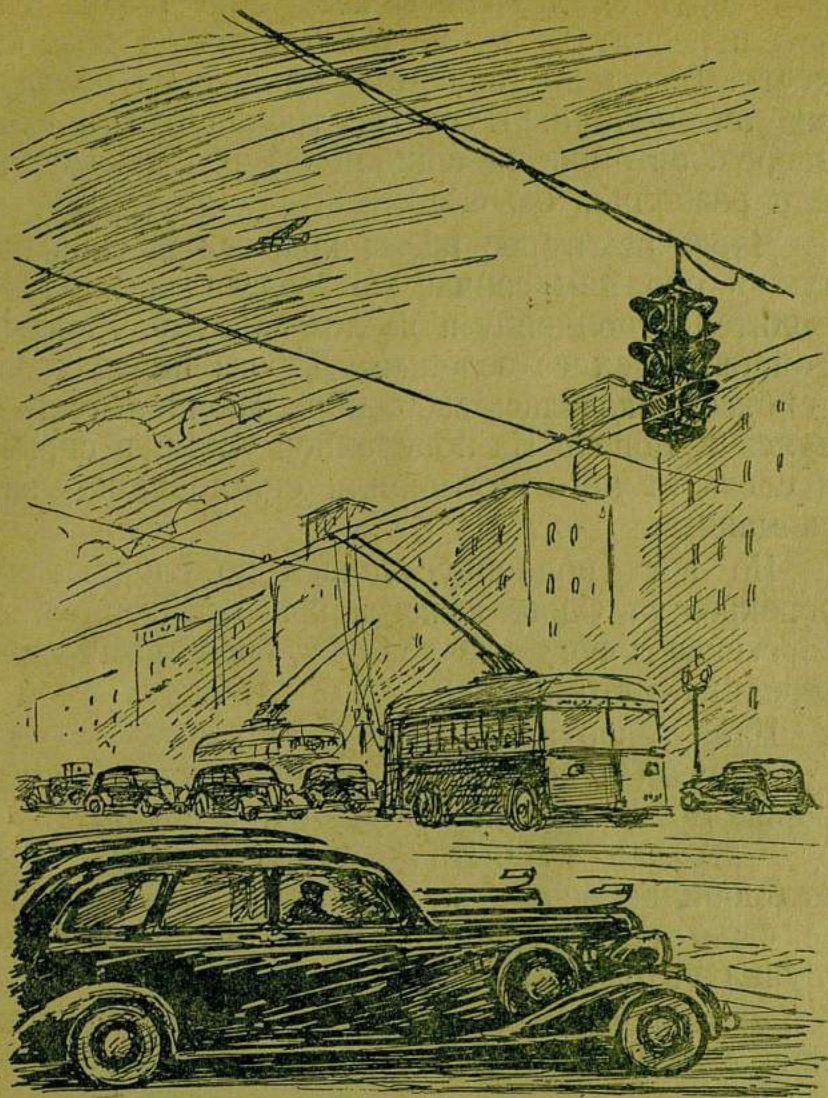
СВЕТОФОР

В это время троллейбус остановился. Сразу же его догнали два ЗИСа и три автомобиля поменьше. Ребята из детского сада называли такие автомобили „эмочками“.

Ни ЗИСы, ни „эмочки“ не стали перегонять троллейбус, а остановились рядом с ним.

Травка сразу сообразил, в чем дело. Высоко посередине улицы загорелся круглый красный фонарь. Он был подвешен на туго натянутых проволоках и был виден водителям всех машин.

Пересекая дорогу под самым красным фонарем, шли вправо и влево автомобили. Они

Дорога перед троллейбусом оказалась свободной.

шли друг за другом в несколько рядов, так что пересчитать их не было никакой возможности. Водитель терпеливо ждал, пока проедут все автомобили. Если бы троллейбус поехал вперед, автомобили сшибли бы его, раздавили или разбились бы сами.

Через некоторое время красный фонарь погас, и под ним сейчас же засветился желтый. Водитель троллейбуса взялся за руль. Желтый фонарь сменился зеленым. Дорога перед троллейбусом оказалась свободной. Троллейбус тронулся и пошел. На поперечной улице и справа и слева от него автомобили остановились, как сломанные.

Но вот троллейбус дошел до следующего перекрестка. Снова зажегся красный фонарь, и, пересекая дорогу троллейбусу, снова помчались вереницы автомобилей.

Папа заворчал:

— Если будем стоять перед каждым светофором, на вокзал не приедем и к вечеру.

— А как же быть? — сказал Травка. — Тем автомобилям ведь тоже нужно ехать. А если бы не было светофоров, на каждом перекрестке случались бы столкновения.

— Придется пересесть на метро, — решил папа. — Там ни перекрестков, ни столкновений.

НА СТАНЦИИ МЕТРО

На стройном здании станции метрополитена еще издали была видна большущая буква „М“.

Внутри станции стоял ряд одинаковых светлокоричневых шкафчиков.

В шкафчиках что-то гудело и чикало.

Это были автоматические билетные кассы.

— Я сам возьму себе билет, — сказал Травка и полез было в карман, где у него давно хранился настоящий бумажный рубль.

— Твой рубль не годится, — сказал папа: —

не пролезет он в эту щелочку. Возьми лучше мне билет, а кстати уж и себе.

И папа дал Травке четыре монетки по пятнадцать копеек.

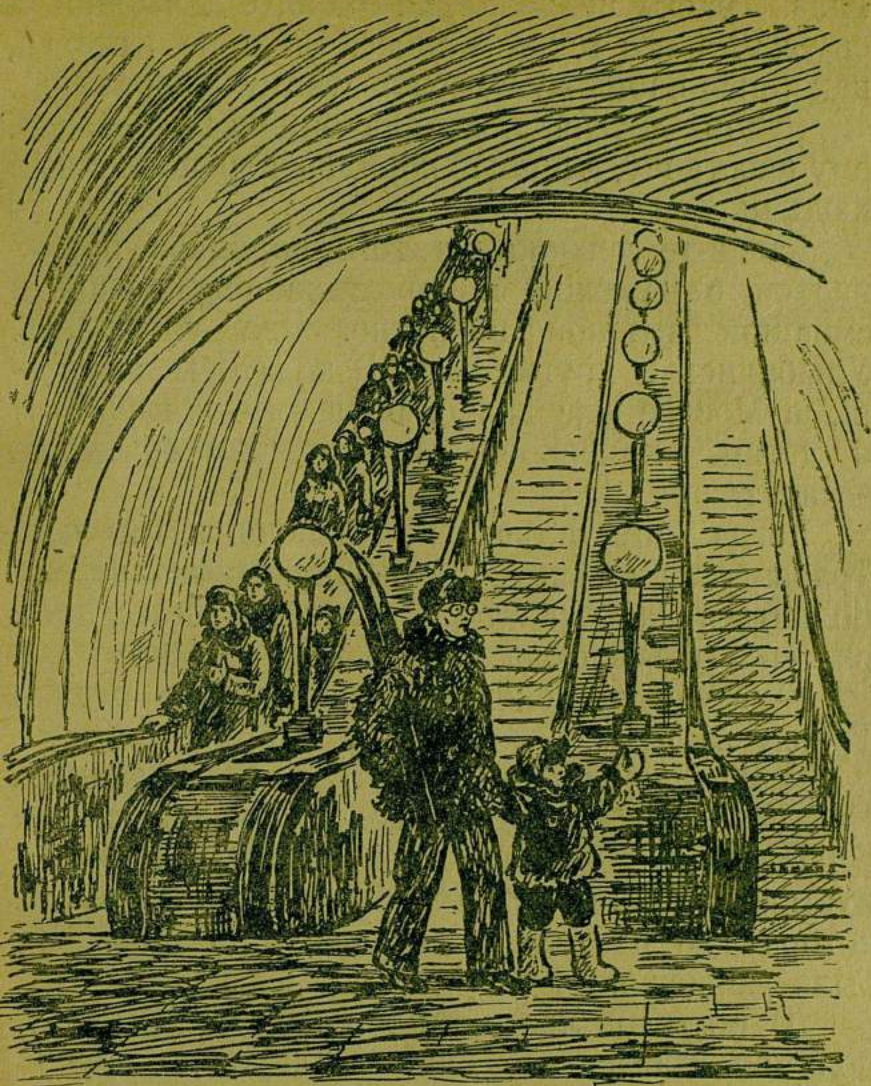
Травка опустил монетки в щелочку автомата, и оттуда один за другим выскочили два аккуратненьких билета, с дырочками по краям. На билетах стояли такие большие номера, что Травка никак не мог прочесть их.

„Эти-то билеты уж я обязательно покажу в детском саду“, подумал Травка и протянул билеты контролерше.

Ему стало даже обидно, когда контролерша и не посмотрела на его билеты, а просто смяла их и разорвала чуть не пополам.

ЭСКАЛАТОР

Травка начал разглаживать билеты, но пол под ним вдруг двинулся — он чуть покачнулся и поехал вперед. Невольно Травка посмотрел себе под ноги. Он стоял на дорожке, сделанной из узеньких деревянных полосок с медными концами. Вдруг куски дорожки стали опускаться, и дорожка обратилась в лестницу. Травка очутился на ступеньке. Лестница плавно сползала

— Некогда, некогда, — сказал папа и взял Травку за руку.

вниз. Травка не делал ни одного движения, а спускался все ниже и ниже. Он и не заметил, как попал на движущуюся лестницу — эскалатор.

Рядом другая лестница поднимала вверх, ему навстречу, длинный коридор, переполненный людьми.

Какая-то девочка из того коридора поровнялась с Травкой и помахала ему рукой в смешной зеленой перчатке. Она улыбалась. Улыбались и другие дети. Эскалаторы построены в Москве уже давно, но всем — и взрослым и детям, — наверное, было приятно ехать на эскалаторе.

Когда спустились на неподвижный пол, Травка стал просить, чтобы папа позволил ему подняться на эскалаторе наверх, а потом еще раз спуститься сюда же.

— Некогда, некогда, — сказал папа и взял Травку за руку.

Травка печально посмотрел на эскалатор. По узенькому коридору продолжала спускаться вереница людей. Вверх теперь бежала совсем пустая лестница. Рядом была еще лестница, которая не двигалась ни вверх, ни вниз. Это была запасная.

„И по такой лестнице хорошо бы побегать“, подумал Травка. Но папа потянул его прочь от эскалатора.

Однако подземные чудеса еще не кончились.

ПОДЗЕМНЫЕ ЧУДЕСА

Здесь, под землей, был громадный белый зал. Он был такой длины, что Травке захотелось пробежать его до самого конца. Он пожалел, что здесь не было знакомых ребят. Тогда бы уж они перестали спорить, кто бежит быстрее. А то на дворе — только разбежишься, а двор уже и кончился. Неизвестно, кто кого обогнал.

Громадные темномедные фигуры-статуи подпирали белые своды зала. Их было очень много. Они улыбались, как живые, и смотрели на Травку.

Колхозница кормила петуха. Вузовец читал книгу и что-то чертил. Пограничник с собакой выслеживал врага. Физкультурница собиралась плавать. Ребята-пионеры стояли с моделями самолетов. Папы и мамы поднимали высоко вверх своих маленьких детишек. Горняк — подземный рабочий, в большой шляпе — стоял обнаженный до пояса. Он опирался на отбойный молот, которым раскалывают камни под землей.

ПОДЗЕМНЫЙ ВИХРЬ

Вдруг поднялся ветер, и Травка невольно сжал покрепче папину руку. Ему показалось, что налетел ураган, который может свалить его

с ног. Раздался гул и рокот вроде того, какой бывает, когда надвигается гроза.

Но папа совсем не испугался. Он сказал совершенно спокойно:

— Вот и поезд идет, — и стал смотреть в темный тоннель, откуда должен был появиться поезд.

Травке стало неловко. Как это он сразу не догадался, что весь этот подземный вихрь поднимает поезд метрополитена? Он гонит перед собой воздух из узкого тоннеля, вот и получается вихрь.

Поезд с шумом вышел из тоннеля. Он совершенно не был похож на те поезда с паровозом впереди и с дымом из трубы, которые рисовал и лепил Травка в детском саду. Впереди не было никакого паровоза. Первый вагон был с виду такой же, как и все остальные, — сверху светложелтый, а снизу светлоголубой. Все вагоны были ярко освещены электрическим светом.

Поезд остановился и зашипел.

Из дверей без конца стали выходить пассажиры.

Просто удивительно, как много пассажиров помешалось в одном поезде!

ЧТО МОЖЕТ НАДЕЛАТЬ САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ ВОЗДУХ

Травка уже давно выпустил папину руку. Он спокойно осматривался по сторонам, будто ему каждый день по нескольку раз приходилось ездить на метро. Ему хотелось показать папе и всем пассажирам, что он ни капельки не испугался. Он даже отошел немножко в сторону, чтобы не мешать пассажирам, — они все очень спешили.

Прямо над Травкой склонилась громадная

фигура матроса-партизана. В руке у матроса был револьвер. Травка заметил, что курок у револьвера чуточку обломался, и было видно, что статуя сделана не из меди, а из какого-то белого камня вроде мела.

— Поскорее, поскорее, граждане! — раздался громкий голос.

Травка обернулся к поезду. Папа уже стоял в вагоне и испуганно звал его. Травка бросился к папе, протянул ему руку, но в это время дверцы вагона сами собой затворились и зажали Травкину руку. Травке не было больно, но он по-настоящему испугался и дернул руку изо всей силы. Щель между дверцами была обложена мягкой резиной и сразу выпустила Травку.

Поезд тронулся.

Травка видел, что папа пытается открыть дверь с той стороны. Но дверь не поддавалась. Тогда папа стал что-то кричать Травке, тыкать себя пальцем в грудь и указывать в окно вагона. Но поезд шел все быстрее и быстрее. Вот он скрылся в тоннеле, и на стене тоннеля зажегся красный огонек.

— Оставайся здесь, он сейчас вернется, — сказал Травке милиционер, который наблюдал за посадкой пассажиров. — Минут через десять будет здесь обязательно.

Травка и сам надеялся, что папа действительно скоро вернется.

Папа, верно, это и старался объяснить ему при помощи пальцев, когда стоял в вагоне. Однако Травка растерялся. Уж очень все неожиданно случилось. Он спросил у милиционера:

— А почему же все-таки дверь затворилась сама собой?

— Это воздух работает, — ответил милиционер. — Самый обыкновенный воздух, только крепко накачанный машиной. Воздух идет по трубкам и держит дверь так, что ее и не откроешь. Я сам пробовал, да и то не открыл.

Травка посмотрел на силача-милиционера и понял, почему папа не выбежал из вагона, — просто не смог открыть дверь.

КЕМ БЫТЬ?

Папа должен был вернуться через десять минут. Это значит—нужно было десять раз медленно считать до шестидесяти. Как до шестидесяти досчитаешь, так загибать один палец. Когда все пальцы на обеих руках будут загнуты, тогда и пройдет десять минут.

Травка начал было считать, но вспомнил, что не осмотрел еще все статуи, которые были на станции. Меньше всего ему понравились фигуры мужчины с мальчишкой и женщины с ребеночком.

„Таким-то я и сам был и уже давно, — подумал Травка. — Неинтересно! Папа тогда меня с собой никуда не брал, а от мамы просто нельзя было отойти ни на шаг. Она всё боялась, что я ушибусь... А вот пионером-авиамоделистом стать хорошо. Или чертежником, чертить разные машины. Впрочем, плавать в бассейне зимой, как эта физкультурница, и всех обгонять — тоже здорово! И, конечно, хорошо почитать интересную книгу, как та девушка. А всего лучше быть партизаном. Правда, гражданская война у нас уже давно кончилась, но можно будет поехать куда-нибудь еще. Только вот когда еще борода вырастет! (Травка смотрел на фигуру крестьянина-партизана с курчавой бородой.)

Но все-таки лучше всего быть пограничником. Стоять с собакой на заставе и высматривать врагов. А собака, хоть и не настоящая, сделана из камня, но с виду очень умная! Уши подняты — прислушивается. Собаку будут звать Джек. Или лучше — Трезор.

Вот в лесу хрустнула ветка. Трезор насторожился. Пограничник (Травка будет пограничником) покрепче сжал тяжелую холодную винтовку. Чужие шаги слышны все ближе и ближе...“

— Что, испугался? — неожиданно спрашивает его кто-то.

Травка вздрогнул и поднял голову. Перед ним стоял папа.

Травка даже рассердился. Он ответил папе коротко и довольно сурово:

— Ничуть!

— Ну, конечно, не испугался! — весело заговорил папа. — Главное, не теряй присутствия духа. Будь всегда самостоятельным. Действуй решительно и быстро. И никогда не пропадешь. Пойдем скорее. Вон подходит еще поезд.

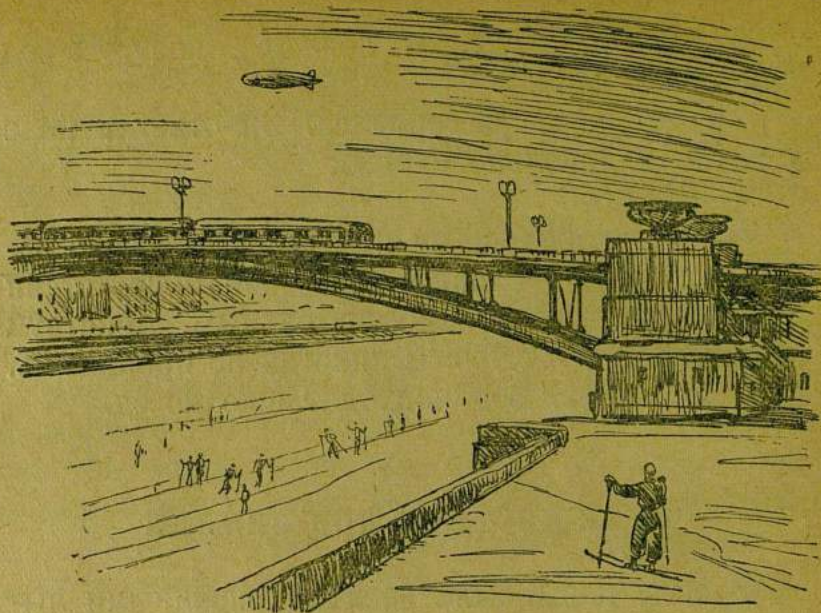
ПУТЕШЕСТВИЕ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Руки у папы были заняты Травкиными лыжами. Он приспособил их под одну руку, а другой крепко схватил Травку. На этот раз он сначала поставил сына в вагон метро, а потом уже вошел туда сам.

— Готов! — слышался чей-то отрывистый возглас.

Дверцы с шипением сдвинулись, и поезд помчался. В тоннеле было неинтересно. Быстро мелькали белые стены, на которых кое-где горели не очень светлые электрические фонари. По стенам ползли толстые серые провода.

Травка стал осматривать вагон. В вагоне было очень светло. Блестели стекла, металлические стойки и ручки.

Пассажиры сидели на кожаных диванах. Во время остановок сами собой отворялись и за-
творялись двери.

Травка не успел еще всего осмотреть, а папа уже сказал:

— Сейчас нам сходить. Готовься.

Вдруг в вагоне стало светло, как днем. Электрические лампочки пожелтели и словно перестали светить. Травка взглянул в окно и увидел, что поезд мчится уже не под землей, а скорее над землей. Внизу, почти под поездом, были видны крыши домов. Поезд шел по мосту. Под мо-

стом расстилалась белая, покрытая снегом река.

Травка не успел опомниться, как поезд опять нырнул под землю. За окнами снова сделалось темно, а лампочки в вагоне засветили ярче прежнего.

Поезд остановился.

— Папа, — сказал Травка, — хочешь, я покажу тебе фокус?

— Ну?

— Дверь, отворись! — скомандовал Травка и по-командирски махнул рукой.

Дверь послушно зашипела, и половинки ее расползлись в разные стороны.

— Ну, это что за фокус! — сказал папа. — Вот если мы с тобой не опоздаем на поезд, это будет фокус!

Травка и папа вышли из вагона и очутились на другой станции метро. Здесь было тоже очень красиво. Даже, пожалуй, еще красивее, чем на той станции. Но только здесь не было статуи и не было эскалатора.

Травка и папа пешком пошли на вокзал.

НА ВОКЗАЛЕ

На вокзале была суета. Люди вбегали в вокзал. Какая-то старушка всё хотела пройти в левую дверь, на которой было написано

„ВЫХОД“, а ее не пускали. Заграничная гражданка смотрела в маленькую книжечку и спрашивала о чем-то встречающих. Она с трудом говорила по-русски. Сзади нее шли два носильщика и несли одиннадцать чемоданов, а может быть, и еще больше.

Травка хотел спросить у папы, почему все так спешат, но папа посмотрел на вокзальные часы и тоже заспешил. Маленькая стрелка на часах показывала 12, а большая — 9.

Папа поставил лыжи к стенке и сказал Травке:

— Стой здесь и жди меня. Никуда не уходи. Я пойду брать билеты.

ПАПА БЕРЕТ БИЛЕТЫ

Травка стал около лыж и начал смотреть на часы. Большая стрелка скакнула, как на пружинке, с одной черточки на другую. Потом постояла минутку на месте и опять — скок! Травка никогда не видал таких часов, у которых стрелки скачут. Он решил обязательно спросить у папы про это, а потом рассказать ребятам в детском саду.

Тут заработало радио, и отчетливо послышались слова:

— ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОСАДКА НА ПОЕЗД НОМЕР ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ ДО СТАНЦИИ ПРОЛЕТАРСКАЯ. ОТПРАВЛЕНИЕ В ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ ПЯТЬДЕСЯТ ТРИ МИНУТЫ.

Народу стало еще больше. Травка увидал папину меховую лыжную куртку и бросился за ней. Папа шел под руку с незнакомой тетей и о чем-то с ней разговаривал. Они спешили. Травка сказал:

— Папа, а как же лыжи?

Папина спина что-то буркнула в ответ, и папа еще быстрее зашагал вместе с тетей на

перрон, где садятся на поезд. Травка уцепился за папину куртку и побежал за ним.

РЫЖИЙ ДЯДЯ

Когда дошли до свободного вагона, папа сказал не своим голосом:

— Ну, Петька, лезь!

Он взял Травку за руку и хотел посадить на ступеньку. Но тут Травка увидел, что это вовсе не папа, а какой-то чужой дядя, с рыжей бородой и без очков. Дядя сказал довольно сердито:

— Откуда ты, мальчик? И где же Петька?

Сзади стояла женщина, похожая на няню. У нее на руках сидел мальчик ростом чуть-чуть поменьше Травки. Няня закричала:

— Петя вот он! А я смотрю — вы мальчика ведете, думаю: знакомый, что ли, какой?

Мальчик, который сидел на руках, почему-то заплакал.

Травка не успел ничего сказать и, конечно, не стал плакать. Он только подумал, что очень стыдно таким большим мальчикам сидеть на руках.

В это время раздался свисток, паровоз загудел. Поезд двинулся и ушел. На поезде

уехали рыжий дядя, его знакомая, Петя с няней и все остальные пассажиры. На перроне остался только начальник станции в красной фуражке и Травка.

ТРАВКА ПОТЕРЯЛСЯ

Папа взял билеты и вернулся на то место, где оставил Травку. Лыжи валялись под лавкой, а мальчика не было. У папы сразу упало сердце. Он посмотрел под лавку, потом залез на нее, чтобы ему лучше было видно сверху, и крикнул громко:

— Травка! Травка!

Некоторые пассажиры обернулись и засмеялись. Толстый швейцар в синем костюме с золотым воротником подошел к папе и сказал:

— Гражданин, ногами становиться не полагается. А ну, слезьте с ореховой мебели!

— Я мальчика потерял. Понимаете, сына! Маленький такой, на ладошке родинка, и рот испачкан чернильным карандашом. Вы его не видали?

— Нет, не видал, — ответил швейцар. — А кричать на вокзале всё же не полагается.

Он повернулся и пошел к дверям. Папа бросился за ним.

— Я мальчика потерял. Понимаете, сына! Маленький такой...

На площади перед вокзалом всё так же спешили люди. Пришел поезд, и толпа пассажиров с мешками, кулками, чемоданами, сундуками и желтыми деревянными коробками выходила из вокзала. Папа спрашивал пассажиров, милиционеров, трамвайных кондукторов. Он догонял мальчиков и даже девочек и рассматривал им в лица. Травки нигде не было. Папа вернулся на вокзал.

На том месте, где он оставил Травку, не было ни Травки, ни лыж.

ПАПА И КОНТРОЛЕР

„Уж не уехал ли он один?“ подумал папа и побежал на перрон.

— Ваш билет!— сказал ему контролер, как только он добежал до решетчатой дверки перрона.— Не видите разве надпись:

ПРИГОТОВЬТЕ ВАШИ БИЛЕТЫ

Папа дрожащей рукой протянул контролеру билеты, свой и Травкин.

— Ваши билеты не годятся,— сказал контролер.— Не видите разве на билетах надпись: „Годен только на тот поезд, на который выдан“? Ваш поезд давно ушел.

— А вы не видели, здесь не проходил маль-

чик? — спросил папа, стараясь сделать приятное лицо. — Маленький такой, ротик в чернилах...

— Здесь много мальчиков проходило, — ответил контролер, — и потом, прошу вас, прочтите надпись:

КОНТРОЛЕРУ ВОПРОСОВ НЕ ЗАДАВАТЬ

ПАПА ОТПРАВЛЯЕТ ТЕЛЕГРАММУ

Папа осмотрел через решетку весь перрон. Травки не было видно. „Он, конечно, уехал, — решил папа. — Нужно скорее отправить телеграмму“.

Он подошел к окошечку телеграфа. Телеграфистка дала ему синий листок бумаги. Папа написал на ней всё, что нужно, заплатил за каждое слово по двадцать пять копеек и стал смотреть, как телеграфистка отправляет телеграмму.

Она подошла к маленькому столику, на котором стояло колесо. На колесе, как на катушке, была намотана узкая полоска бумаги. Около колеса были круглые метал-

лические коробки и медная полоска с деревянной ручкой. Телеграфистка взялась за деревянную ручку и начала выстукивать: цик, цик-ци-цииии-цик-цик-цик-ци...

ТЕЛЕГРАММА ПОШЛА

По проволоке, которая протянута на высоких столбах вдоль железной дороги, быстро-быстро побежали невидные электрические искры. Быстрее поезда, быстрее автомобиля, быстрее аэроплана, быстрее ветра. На железнодорожной станции, где сидела другая телеграфистка и стоял такой же телеграфный аппарат, с катушки поползла бумажная лента. На ней стояли точки и черточки. Это электричество, посланное телеграфисткой из Москвы, нажимало маленькое перышко, и перышко ставило на ленте черточки и точки.

У телеграфистов своя азбука. Одна точка и одна черточка (· —) обозначают букву А. Одна черточка и три точки (— ...) — букву Б. И так каждая буква обозначается только черточками и точками.

Телеграфистка, принимавшая телеграмму, стала смотреть на бумажную ленту и писать на бумажке вместо телеграфных букв обыкновенные.

Получилось вот что:

„С-л-у-ч-а-й-н-о у-е-х-а-л м-а-л-ь-ч-и-к в-е-р-н-и-т-е р-о-д-и-т-е-л-я-м“.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТРАВКОЙ

Когда поезд ушел и Травка остался один, он почувствовал беспокойство: а вдруг папа уехал на дачу и оставил его одного? Да нет, быть этого не может! Папа никогда бы так не сделал.

В это время к Травке подошел начальник станции и спросил:

— Послушайте, мальчик, вы что же, проводжали кого-нибудь? Такой маленький — и вдруг один! Вот что значит октябренок! Или даже пионер?

Травка был октябренком. Для пионера он был еще мал. Но он почувствовал себя совсем большим. Он заложил руки в карманы своей лыжной курточки и важно ответил:

— Я не очень маленький. Я средний. Меня папа даже взял с собой кататься на лыжах. Но только потерялся.

Начальник станции широко открыл глаза, поднял кверху брови и наклонился к мальчику. Издали его можно было принять за вопросительный знак.

— Кто потерялся?

— Мой папа.

Начальник станции почему-то улыбнулся, но не обидно, а добро.

— Ну, мы сейчас его разыщем, — сказал он, взял Травку за руку и повел через калитку, на которой было написано:

СЛУЖЕБНЫЙ ПРОХОД

СЛУЖЕБНЫЙ КАБИНЕТ

Начальник станции довел Травку до двери, на которой было написано:

СЛУЖЕБНЫЙ КАБИНЕТ ДЕЖУРНОГО ПО СТАНЦИИ
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩАЕТСЯ

и смело отворил ее.

А Травка остановился и решил подождать начальника. Ему очень не хотелось опять остаться одному.

Но начальник обернулся к нему и сказал:

— Ну, иди! Что же ты стал? Иди, не бойся.

— А я — посторонний.

Начальник станции опять улыбнулся и помычал:

— Мм-мм... мм-мм... Со мной никто не посторонний. Иди.

Травка вошел в комнату. Там стояли странные машины. Такие, каких Травка никогда не видел раньше. То и дело раздавались негромкие звонки и гудки. Железнодорожник в форме распоряжался по телефону:

— Двадцать шестой примите на девятый путь. Маневровый отведите в тупик...

Начальник станции взял телефонную трубку с другого аппарата и приложил ее к уху. Крючок, на котором висела трубка, поднялся, проволочки в телефонном аппарате соединились, и по ним побежал электрический ток прямо на центральную телефонную станцию вокзала. Там была устроена большая черная доска с крошечными гнездышками. К этим гнездышкам подходили провода всех вокзальных телефонов.

На доске загорелась малюсенькая лампочка. Перед доской сидела телефонистка. На голове у нее был обруч с телефонной трубкой. Телефонистка увидела зажженную лампочку и сказала:

— Центральная.

В ответ она услышала голос начальника станции:

— Дайте радиоузел.

Телефонистка взяла

шнур с блестящим наконечником. В этом шнуре оканчивался провод телефона, по которому говорил начальник.

Перед телефонисткой на доске было четыре-ста гнездышек. Это довольно много. Но телефонистка отлично знала, в каких гнездышках оканчиваются провода разных отделов вокзала, и, почти не глядя, вставила наконечник шнура в гнездышко телефона радиоузла. Потом она нажала кнопку, и в комнате радиоузла раздался звонок.

РАДИО

Диктор — человек, говорящий по радио — взял телефонную трубку и услышал голос начальника станции:

— Мм... мм... Говорит дежурный по станции. Видите, какая штука: я подобрал на перроне мальчика. Он говорит — папа у него потерялся. Нельзя ли этого папу разыскать? А мальчик у меня здесь, в дежурной.

— Сейчас я дам оповещение, — сказал диктор, положил трубку и подошел к маленькой коробочке — микрофону.

Микрофон висел в металлическом круге. Диктор начал говорить, и от его голоса в микрофоне появились электромагнитные волны.

При помощи разных приспособлений волны усилились и понеслись во все стороны.

Начальник станции взял Травку за руку и вышел с ним за дверь. Из большой серой трубы радио слышался усиленный голос диктора:

— ВНИМАНИЕ! ГРАЖДАНЕ ПАССАЖИРЫ! ОТСТАВШИЙ ОТ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИК НАХОДИТСЯ В КАБИНЕТЕ ДЕЖУРНОГО ПО СТАНЦИИ.

Травка слушал и ничего не понимал: какой мальчик, от каких родителей?

Радио будто знало, что Травка с первого раза ничего не поймет, и голос заговорил опять:

— ВНИМАНИЕ! ПОВТОРЯЮ! ГРАЖДАНЕ ПАССАЖИРЫ! ОТСТАВШИЙ ОТ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИК НАХОДИТСЯ В КАБИНЕТЕ ДЕЖУРНОГО ПО СТАНЦИИ.

Тут только Травка понял, что ищут какого-то мальчика, отставшего от родителей.

— Это о тебе говорят, — сказал начальник станции.

„Верно ведь, — подумал Травка: — если папа уехал без меня, значит я от него отстал. А папа — мой родитель“.

НИКТО НЕ ШЕЛ В КАБИНЕТ ДЕЖУРНОГО

Во всех помещениях вокзала были такие же серые трубы — громкоговорители. Голос диктора раздавался и в первом, и во втором, и в

третьем зале, на перроне и в вокзальных коридорах.

Пассажиры слышали голос диктора и осматривали друг друга. Каждый будто хотел спросить другого: скажите, не от вас ли отстал мальчик?

А Травкин папа бегал в это время по вокзальной площади и искал своего сына. Он совсем не слышал радиоизвещения.

Если бы работала большая радиостанция, например имени Коминтерна или ВЦСПС, ее голос был бы слышен по всей Москве, даже по всему СССР. А это работал маленький вокзальный радиоузел. Голос диктора был слышен только внутри вокзала. И даже на площади перед вокзалом его было слышно очень плохо.

Травка стоял рядом с начальником станции. Они ждали. Но никто не шел в кабинет дежурного по станции отыскивать отставшего мальчика.

Травке стало скучно. Он заговорил с начальником станции:

— Скажите, пожалуйста, а вы правда начальник станции или только дежурный? Я сначала подумал, что вы начальник.

— Когда я дежурный, тогда я начальник. Мм... мм... Что-то не идет ваш папа. Пойдемте поищем его следов.

ТРАВКА РЕШИЛ СТАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ

Травке было очень приятно, что такой важный человек провел его через служебный проход, называет на „вы“, как большого, и даже пустил в свой служебный кабинет, куда посторонним вход воспрещается.

Он решил стать совершенно самостоятельным. Ему захотелось даже, чтобы папа подольше не находился.

Они пришли на вокзал. Травка без труда узнал то место против часов, где он стоял с лыжами и дожидался папу. Он остановил начальника и попросил его минуточку подождать, чтобы посмотреть на часы.

Большая стрелка прыгала попрежнему. Она подходила к цифре 6. Маленькая стрелка застряла где-то между цифрами 12 и 1.

Около лавки не было ни папы, ни лыж.

НАПАЛИ НА СЛЕД

Начальника станции все знали и здоровались с ним. Он спросил швейцара с золотым воротником про Травкиного папу.

— Да, да. Бегал гражданин, искал мальчика. А вот куда он делся, право, не знаю. Что же вы, товарищ начальник, мне раньше-то не сказали? Я бы спросил, куда он пойдет.

Другой служащий, сторож, долго прислушивался, как Травка рассказывал про папу и про лыжи, и наконец вмешался в разговор:

— Видел я твоего папу. Лыжи он взял в охапку и бегом на поезд. Я уж подумал, не жулик ли. Он всё по сторонам смотрел. Видно, искал тебя.

НУЖНО БЫЛО ДЕЙСТВОВАТЬ РЕШИТЕЛЬНО И БЫСТРО

Нужно было действовать решительно и быстро. Вот поэтому-то Травка очень решительно обратился к своему другу — начальнику:

— Товарищ начальник, у меня есть рубль. Дайте мне, пожалуйста, билет до станции Пролетарская. Оттуда я дорогу знаю. По правой стороне, как пруд пройдешь, против колхозной палатки дача номер шестнадцать.

Начальник опять улыбнулся, каплянул, помычал и наконец произнес:

— Билетами я не торгую. И поезд туда идет только вечером.

— Как же нам быть-то? — спросил Травка, закинул голову и посмотрел начальнику прямо в лицо.

Начальник почесал кончик носа, помычал и сказал:

— Ну, да ладно, скоро идет служебный паровоз. Посажу тебя, засветло успеешь. Не боишься ехать на паровозе?

— Я даже на автомобиле рядом с шофером не боюсь. И, потом, я сегодня сам ездил на эскалаторе и дожидался папу в метро.

ПАРОВОЗ

И вот начальник станции повел Травку через рельсы куда-то в сторону от перрона. Итти было трудно. Один раз Травка больно ударился ногой о рельсы. Хотелось заплакать, но Травка не заплакал, а только потер ногу.

— Почему так много рельсов? — спросил он.

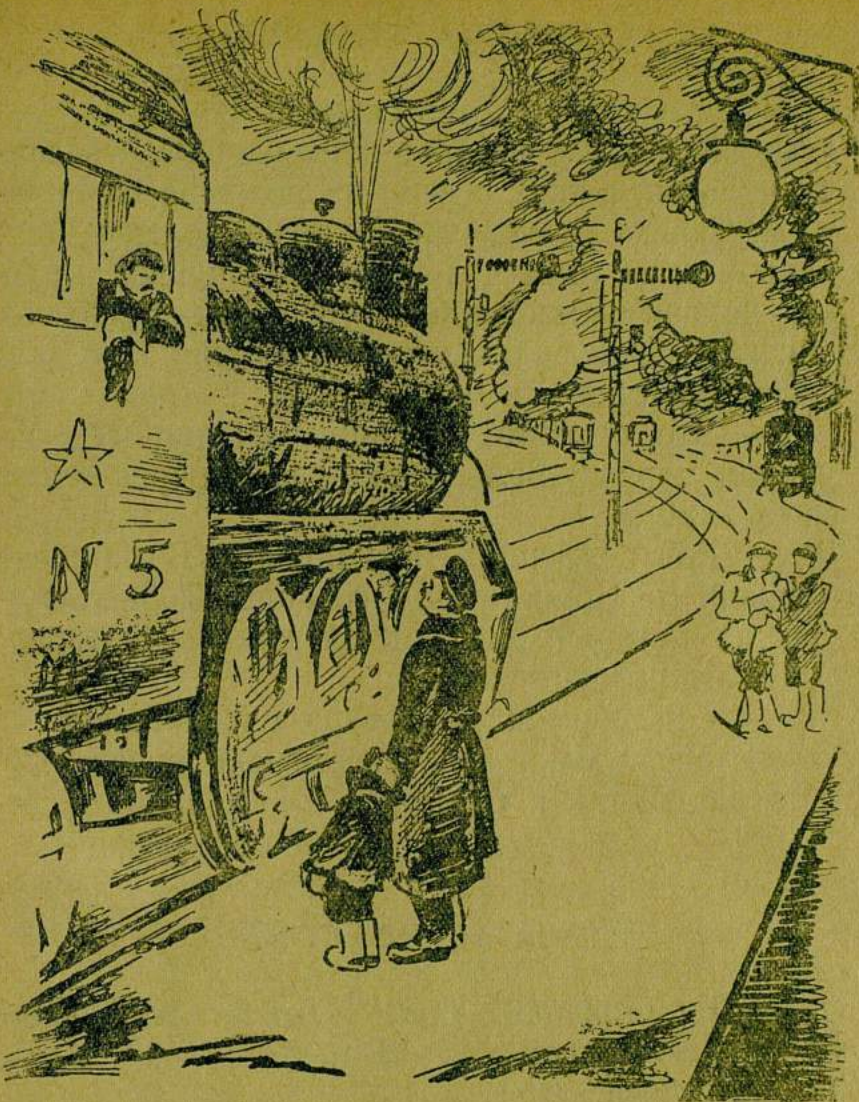
— А это потому, что тут много поездов собирается. Для каждого поезда свой путь. Видишь, сколько паровозов стоит?

— Вижу. А скоро наш паровоз?

— Да вот он.

Они подошли к громадному черному паровозу. В паровозе что-то громко шипело. Пахло раскаленным примусом. Травке сделалось немножко страшно. Он крепко схватил начальникову руку.

— Ну, ну, не бойся, малыш, — ласково сказал начальник, совсем как папа, и громко закричал: — Эй, Беляков!

— Вот пассажира тебе привел. Возьми его с собой.
На Пролетарской ссадишь.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Травка только хотел сказать, что он ничуть и не боится, как в паровозном окошке показался человек, с виду совсем не похожий на Белякова. Травка думал, что Беляков должен быть белым, а на этом человеке была черная куртка, черная замасленная фуражка, в руках он держал грязную тряпку, и даже лицо у него было блестящее и черное, как у трубочиста.

— Что скажете, товарищ начальник? — закричал черный Беляков, стараясь перекрыть свою машину.

— Вот пассажира тебе привел. Возьми его с собой. На Пролетарской ссадишь. Только смотри не потеряй, как родной папаша потерял. Скоро отправляетесь-то?

— Семафора ждем, товарищ начальник!

— Ага... Мм... мм... — помычал вместо ответа начальник и протянул Травке руку.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

— Ну, прощай, брат! — сказал начальник станции. — Да как тебя звать-то?

— Травка.

— Травка? Чудно что-то. Тебя, что же, октябрили?

— Не знаю... Нет... просто так. А тебя как?

— Меня Николай Ивановичем зовут, — ответил начальник станции.

Он взял Травку, высоко поднял на руках и посадил на паровоз.

— Ну, прощай, брат Травка, не забывай. Кланяйся своему папаше.

Травка решил никогда не забывать Николая Ивановича и даже подумал: как жаль, что человеку нельзя иметь вместо папы и мамы двух пап! Вот было бы хорошо! Мама никогда ничего не позволяет и всего боится, а с папой страшно интересно и весело. Другим папой, вместо мамы, был бы Николай Иванович, начальник станции. Жили бы они вместе: теперешний папа, Николай Иванович и Травка. А мама ходила бы к ним в гости.

ТРАВКА НА ПАРОВОЗЕ

На площадке паровоза было темно и жарко. Прямо перед Травкой была громадная черная машина с ручками, колесами вроде автомобильных рулей, медными трубками и круглыми коробками вроде часов. Пол трясся. Медные краны и трубки шипели. Травка не знал даже, куда смотреть. Он стоял перед машиной и боялся шевельнуться.

Вдруг сзади него раздался громкий голос:

— Ну-ка, с дороги! Зашибу!

Травка и не заметил, что, кроме Белякова, на паровозе был еще один человек, наверное помощник Белякова.

Он подошел откуда-то сзади. В руках у него была большая черная лопата, похожая на совок. Он открыл круглую чугунную дверь машины, и Травку обдало таким светом и жаром, что он поневоле отскочил в самый угол и отвернулся лицом к стене.

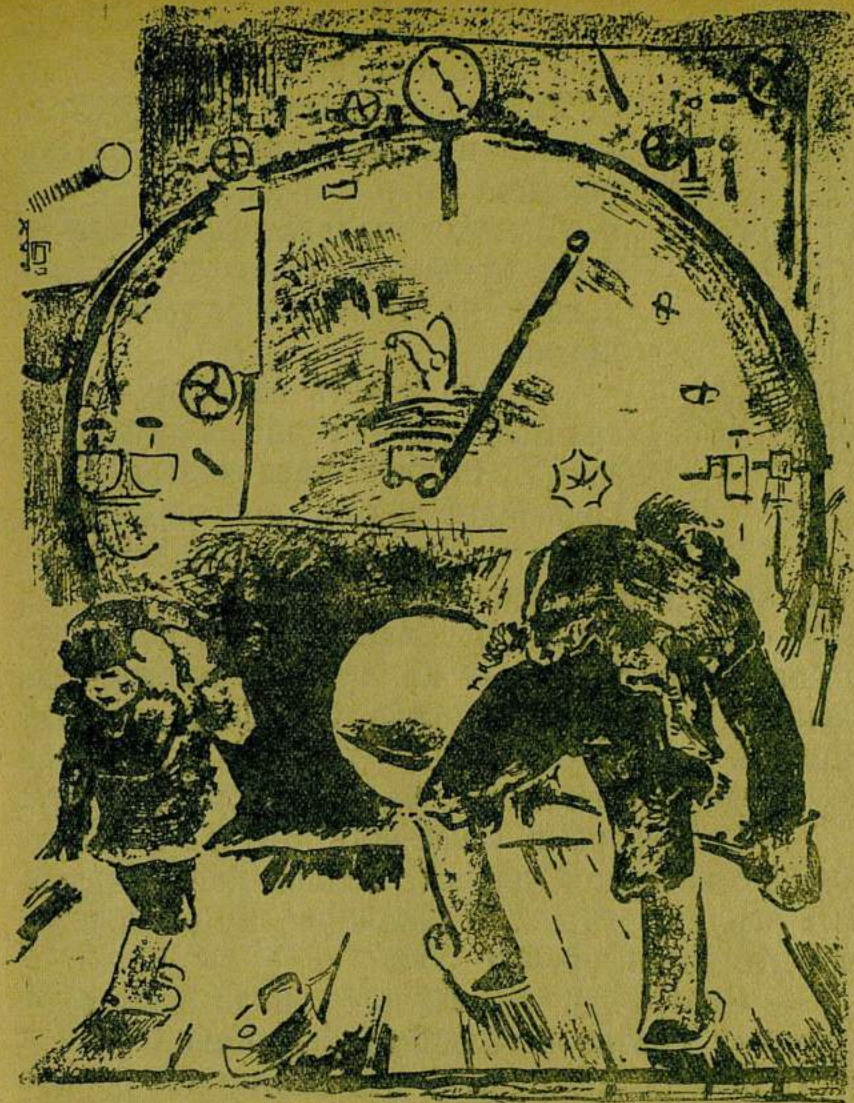
Незнакомый человек стал быстро подхватывать на лопату черный и блестящий каменный уголь и бросать его в топку машины. От скрежета и лязга у Травки зазвенело в ушах. Наконец круглая дверь с грохотом закрылась, и Травка осторожно обернулся.

Незнакомый человек смотрел на стрелку машинных часов и тукал по ним пальцем. Беляков высунулся наполовину из паровозного окошка и совсем как будто забыл про Травку.

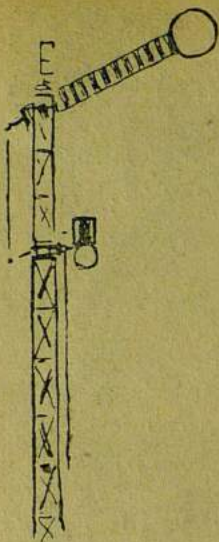
СЕМАФОР

Травка решился заговорить. Он тронул Белякова за ногу.

— Товарищ Беляков, — сказал он, — а скоро семафора придет? Вы сказали: семафору ждем.

Травку обдало таким светом и жаром, что он поневоле отскочил в самый угол и отвернулся лицом к стене.

— Так то не семафора, а семафор! Иди-ка сюда, смотри!

Беляков схватил Травку подмышки и показал путь перед паровозом.

Высоко на железной мачте была приделана белая доска, похожая на большое стрекозиное крыло.

— Это и есть семафор, — сказал Беляков. — Сейчас он опущен — значит, отправляться нельзя. Впереди идет поезд, мы можем его догнать. Ударим его в задний вагон — случится крушение.

— А вы бы лучше светофор устроили, — посоветовал Травка. — Как у нас на улицах. Зеленый свет — ехать можно. Красный — нельзя. Желтый — приготовиться.

Беляков заступился за железную дорогу:

— Светофоры и у нас есть. Это и в город-то взяли с железной дороги. Только днем бывает, что огня не видно. А значение их одно и то же: что светофор, что семафор.

— Смотри-ка, шевелится, поднимается! — закричал Травка и захлопал в ладоши.

И правда, заскрипела туго натянутая проволока, и доска семафора поднялась в воздухе, как пионерская рука.

— Ну, можно отправляться, — сказал Беляков.

Он потянул за веревку. Паровоз заревел так, что у Травки даже задрожали зубы. Беляков повернул какое-то колесо, потом потянул к себе рукоятку, и паровоз медленно тронулся со станции.

ПАПА ПОЛУЧАЕТ ОТВЕТ

В это самое время папа ходил быстрыми шагами мимо телеграфного окошка. Он очень волновался. По телеграфу должен был притти ответ со станции Пролетарская. Но ответа всё не было. Папа хотел уже посылать вторую телеграмму, но аппарат перед телеграфисткой вдруг застрекотал, и из него полезла узкая бумажная лента. Тут папа не выдержал. Он открыл дверь с надписью:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩАЕТСЯ

и бросился к аппарату. Он схватил ленту в руки, но на ней стояли только точки и черточки, черточки и точки. Телеграфистка удивленно посмотрела на папу и сказала не особенно вежливо:

— Гражданин, прочли? Ну, и выходите из служебного помещения.

— Но я не понимаю... по-вашему, — произнес папа. — Прочтите мне, пожалуйста.

— А если не понимаете, то стойте за окошком! — Это сказала папе телеграфистка.

Потом она посмотрела на ленту и быстро написала что-то на листке бумаги.

— Вот вам ответ, — сказала она и протянула за окошко сложенный листок.

Папа вышел из комнаты, стараясь ничего не задеть на ходу, и взял с полочки у окошка телеграфный бланк. На нем было написано:

„Обыскали весь поезд поисках случайных мальчиков точка таковых не обнаружено точка нахождении вышлем точка“.

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕФОН

Ответ был написан непонятно. Но папа все-таки понял, что Травки в поезде нет.

„Не вернулся ли он домой, этакий шустрый мальчишка? — подумал папа. — Нужно позвонить по телефону“.

Он просунул голову в телеграфное окошко и попросил тихим и жалобным голосом позволения поговорить по телефону. Телеграфистка была не совсем добрая, но она видела, что папа очень расстроен, и позволила.

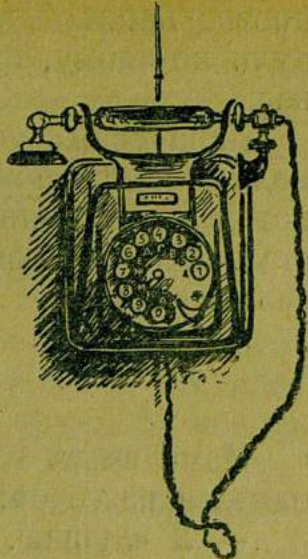
Папа снова вошел в комнату, взял телефонную трубку и приложил ее к уху.

В телефонной трубке раздался гудок.

На телефонном аппарате была приделана круглая дощечка — диск — с отверстиями. В каждом отверстии виднелась цифра, а на самом диске стояли выпуклые буквы. Папа вставил палец в отверстие возле буквы Д и повернул диск. Только он вынул палец, диск сам повернулся обратно и стал по-старому. Тогда папа вставил палец в отверстие с цифрой 4, повернул, отпустил, и диск снова встал на свое место. Так папа проделал с цифрами 1, 8, 6, 8, пока не набрал номер телефона своей квартиры — Д4-18-68.

Провода всех московских телефонов подходят к автоматической телефонной станции. Здесь, на автоматической станции, люди только наблюдают за работой аппаратов. А соединение проводов происходит автоматически, само собой.

Папа повернул диск шесть раз, так, чтобы получилось Д4-18-68. В проводе телефона, по которому говорил папа, появился электрический ток и присоединил к этому проводу как раз

провод папиной квартиры. Если бы диск повернули по-иному, присоединился бы другой провод.

Папа услышал в трубку гудки, будто громадный шмель пожужжал, пожужжал и перестал, потом снова принялся жужжать и опять перестал. А в папиной квартире в это время раздавались звонки.

РАЗГОВОР

Мама взяла трубку, и между ней и папой начался разговор:

— Я слушаю.

— Скажи, пожалуйста, Травка пообедал?

• Мама не узнала папиного голоса. Она подумала, что говорит ее брат (Травкин дядя), и ответила:

— Травки нет дома. Он уехал вместе с папой на дачу кататься на лыжах.

Папин голос:

— Да нет, он захотел вернуться. Это говорю я — папа!

— Он не возвращался... Как же ты отпустил его одного? — прошептала мама очень испуганно и выронила трубку из рук.

Папа хотел рассказать всю правду, объяснить, что Травка потерялся нечаянно, но мама не откликнулась.

Тогда папа быстро положил трубку и бегом бросился из комнаты. Телеграфистка посмотрела ему вслед, встала и заперла на крючок дверь с надписью:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩАЕТСЯ

ГРУЗОВИК

На дворе вокзала стоял большущий грузовой автомобиль. Грузчики уложили на платформу грузовика пятьдесят тяжелых мешков с мукой. Погрузка кончилась. Рабочие закрывали железными болтами откидной борт платформы.

Папа подбежал к рабочим. Он очень волновался. От волнения он с трудом выговаривал слова:

— Братцы! Товарищи! Вы не в Петровский ли парк?

— Ну да, в Петровский, — ответил один рабочий. — Мукú везем на хлебозавод.

— Может быть, меня подвезете? — попросил папа. — На трамвае очень долго, от метро квартира далеко, такси, как на грех, возле вокзала нет. А у меня несчастье, видите ли...

Наверное, и правда было видно, что у папы случилось несчастье.

Старший рабочий сказал:

— Ну, садись, что ли, довезем.

Папа залез на мешки.

Шофер сошел со своего места, завел ручкой мотор, потом сел за руль. Рядом с сидением шофера была длинная железная палка с круглой черной головкой. Шофер нажал ногой педаль, передвинул эту палку, и машина с грохотом понеслась по улицам Москвы.

Через двадцать минут папа уже звонил у дверей своей квартиры. Никто не откликнулся. Тогда папа своим ключом открыл дверь и вошел в комнату. Мамы нигде не было.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МАМОЙ

С мамой ничего не случилось. Когда она немного оправилась от испуга, она решила, что Травка, конечно, поехал к дяде. Он каждый выходной день ездил туда в гости. Там у Коли, Травкиного двоюродного брата, был очень интересный живой уголок.

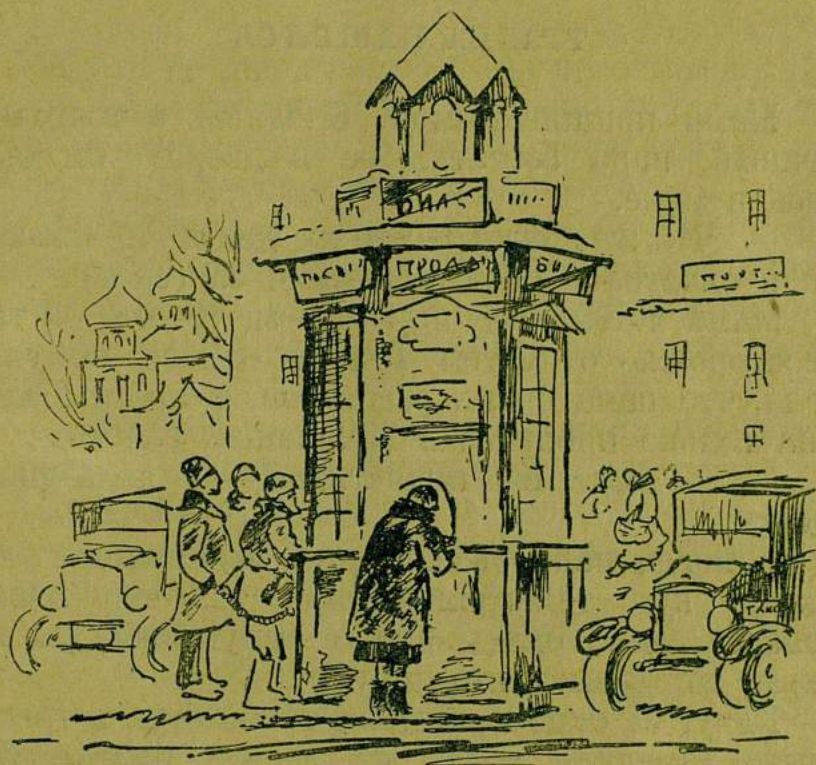
Но только почему же папа спрашивал, не вернулся ли Травка домой?

Телефон уже разъединился, а у Травкиного дяди (мамино брата) телефона в квартире не было. Она подождала, не позвонит ли папа еще раз. Однако никто не звонил. Тогда мама вспомнила, что можно послать почтотелефонограмму, и вышла на улицу.

ПОЧТОТЕЛЕФОНОГРАММА

На улицах Москвы выстроены большие красивые будки. В них помещаются Справочные бюро и Бюро разных поручений. Мама подошла к такой будке и попросила отправить почто-телефонограмму.

— Уплатите один рубль, — сказала заведующая Справочным бюро и протянула маме бланк.

Мама заплатила деньги и написала:

„Нет ли у вас Травки? Ответьте немедленно“.

Потом написала адрес и подписалась.

Заведующая позвонила по телефону в свою главную контору. Там записали мамино письмо и отдали почтальону. Почтальон сел на мотоцикл и помчался к Травкиному дяде отвозить письмо.

ТРАВКА НАШЕЛСЯ

Мама пришла домой. Бледный и взлохмаченный, папа встретил ее в дверях. Он был весь в муке.

— Что же делать?! Что же делать?! — сказал он и схватился обеими руками за голову.

Мама хотела его поругать за то, что он так неосторожно отпустил Травку одного, но увидела, что папа очень расстроен, и промолчала. Она только произнесла печальным голосом:

— Ты хоть бы почистился, — и дала папе щетку.

А когда папа рассказал ей всю правду, рассказал про телеграмму, про то, что лыжи исчезли, мама опять сильно испугалась: уж не украл ли Травку кто-нибудь?

Вдруг за окном раздался такой стук и треск, будто стреляли сразу из десяти пистолетов.

Мама посмотрела в окно и увидела почтовый мотоцикл. Она сказала, немножко повеселев:

— Это ответ от дяди. Сейчас мы всё узнаем, — и пошла открывать дверь почтальону.

Через минуту папа и мама перечитывали ответную почтотелефонограмму:

„Травка есть. Послезавтра Коля привезет“.

ТАКСИ

Ждать до послезавтра было невозможно. Папа и мама посмотрели друг на друга и без слов решили: нужно ехать к дяде сейчас же.

— Едем? — спросила мама.

Папа ответил: „Хорошо“, и оба они стали скорее надевать калоши. Мама попадала правой ногой в левую калошу и очень сердилась, что калоша не надевается. Папа не смел сказать ни слова.

— Это всё ты, — проворчала мама, нагнулась и надела наконец калоши как следует.

На улице трамвай очень долго не шел. А недалеко стоял небольшой закрытый автомобиль коричневого цвета. Папа сказал:

— Хочешь, поедem на такси? Это гораздо скорее и не очень дорого.

Мама кивнула головой. Она любила ездить на такси.

— Это как раз „эмочка“, — сказал папа, садясь в автомобиль. — Так наш Травка называет автомобили „М-1“ — завода имени Молотова.

Перед сиденьем шофера был сделан счетчик — черная коробочка с железной табличкой, а на табличке надпись: „Свободен“.

Шофер повернул табличку вниз. Папа и мама сели в автомобиль, сказали, куда ехать. Шофер пустил машину. Колеса автомобиля завертелись, и вместе с ними завертелось в счетчике маленькое колесико. Это колесико было соединено с колесом автомобиля тоненькой цепочкой. Автомобиль проезжал километры, а колесико в счетчике отщелкивало цифры: за каждый километр по семьдесят копеек.

Когда папа и мама садились в такси, на счетчике было только два пустых белых квадрата, а когда подъехали к дядиному дому, на счетчике стояло: 2 руб. 80 коп. Это счетчик показал, сколько нужно платить за дорогу.

У ДЯДИ

Дядя был дома и читал газету. Коля возился в своем живом уголке.

Вдруг раздался звонок. Коля побежал отпи-

рать. Папа и мама вошли в переднюю. Мама сказала:

— А мы — за Травкой!

Коля ответил:

— Сейчас, — побежал и принес маленький цветочный горшочек. В горшочке ёжиком торчала нежная зеленая трава.

— Сам растил! — сказал Коля с важностью. — Вы, наверное, хотите подарить ее кому-нибудь на рождение? Что ж, возьмите, мне не жалко, я себе еще выращу! А эта скоро вся покроется голубыми цветочками.

Коля был рад услужить, и вообще он был хороший мальчик.

Тут из комнаты вышел дядя с газетой в руках. Папа и мама стояли в передней и не разговаривали. Мама уже плакала. А папа молчал. Дядя с трудом понял, что случилось. Он сказал:

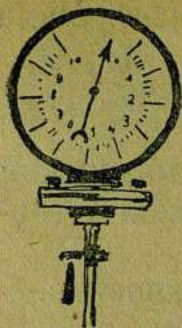
— Что же вы не сообщили в милицию? Нужно сейчас же сообщить.

ПАРОВОЗ ИДЕТ

Паровоз с Травкой подходил в это время к станции Пролетарская.

Беляков рассказывает:

— Оттого и называется паровоз, что паром возит.

— Это-то я знаю! — говорит Травка.

— Внутри машины — котел, а под котлом топка — печка, что ли, по-твоему. В котле — вода. Вода кипит, из нее получается пар. Пар хочет вырваться, идет по трубам, попадает к поршням. И вот выталкивает то один поршень, то другой.

Как пробку из деревянного пистолета, только гораздо сильнее. Поршни соединены с колесами и вертят колеса. Вот паровоз и идет.

— Понимаю, — говорит Травка. — А зачем часы?

— Какие часы?

— А вот на машине.

— Это не часы, глупенький. Это манометр. Он показывает, сколько пара в котле накопилось, сильно ли пар давит на поршни.

— Понимаю, — говорит Травка очень решительно: ему совсем не хочется быть глупеньким.

На поворотах Беляков дергает за веревку. Паровоз ревет. Но Травка уже привык. Он ничего не боится. Из-под паровозных колес вырывается пар: паф-паф-паф! паф-паф-паф! На маленьких станциях паровоз ревет и не останавливается. Телеграфные столбы бегут мимо паровоза, словно кто-то тянет их веревочками.

А веревочки — это провода. Сзади столбов вертятся белые снежные поля. А совсем далеко деревушки несутся с паровозом наперегонки.

ПРИЕХАЛИ

Вот перед станцией Пролетарская поднялся семафор — пожалуйста, есть для вас свободный путь.

Беляков передвинул ручку, повернул колесо на машине, и паровоз медленно остановился, но не рядом со станцией, где останавливаются все поезда, а где-то далеко в стороне. До белого здания станции нужно было перейти много-много рельсов.

Травке не хотелось уходить с паровоза: уж очень интересно Беляков про всё рассказывал. Помощник машиниста был тоже хороший, хотя с виду и сердитый. Он дал Травке в дороге стакан теплого чаю из жестяного чайника и маленький кусочек сахара. Травка положил сахар в рот и запивал чаем. Было гораздо вкуснее, чем дома.

Когда Травке нужно было слезать с паровоза, помощник машиниста был уже на земле. Он подхватил Травку на руки и поставил между рельсами.

— Спасибо, — сказал Травка. — Прощайте, товарищ Беляков!

— Прощай, прощай, мальчуган! Дорогу-то знаешь?

— Знаю! Прощайте, товарищ помощник машиниста!

Беляков был высоко на паровозе, и ему Травка сделал пионерский салют. Помощник стоял рядом. Травка протянул ему руку. Помощник снял черную кожаную рукавицу, пожал Травкину руку и погладил его по щеке. Рука помощника была жесткая, как железо, и от нее пахло паровозом. Но Травке было приятно.

ТРАВКА ОДИН

Травка быстро прошел мимо белого здания станции и направился по дачной дороге. Всё было белое. Вместо широкого песочного тротуара виднелась узенькая тропинка. Она была протоптана по снегу. Дачи были заколочены и совсем не похожи на летние дачи. Летом на террасах висели белые занавески. Летом многих дач совсем не было видно из-за зеленых деревьев.

Травка отошел довольно далеко от станции. Ларька нигде не было. Пруда тоже.

Солнце садилось. Становилось очень холод-

но. Подул ветер. Травке сделалось страшно и грустно. Он прислонился к дереву и заплакал.

РОЯЛЬНЫЙ ВОЛК

Вдруг раздался тоненький голосок:

— Как тебе не стыдно, мальчик? Такой большой, а плачешь! Вот стыдно!

Травка протер глаза и увидел прямо перед собой девочку, тоже не очень маленькую, а среднюю. Неизвестно, откуда подошла девочка. Она тащила за веревочку игрушечные санки, а в санках сидела кукла. У Травки сразу высохли слезы. Он шмыгнул носом и ответил:

— И вовсе я не плачу... А потом, может быть, я волка видел!

— Здесь волков нет, — сказала девочка довольно громко. Потом помолчала и спросила шопотом: — А какой волк, большой?

— Большущий, больше рояля! — сказал Травка и уже представил себе, как прямо на них ковыляет на трех ногах рояльный волк, открывает громадный рот, и зубы у него, как клавиши рояля, — черные и белые.

— Но я тебя защищу, — прибавил Травка и похлопал себя по карману: в кармане у него был маленький перочинный ножичек с костяной ручкой.

ИЗМАЙЛОВЫ НЕ ДОЖДАЛИСЬ ГОСТЕЙ

Девочке очень понравилось, что Травка такой бесстрашный. Она решила с ним поближе познакомиться и спросила:

— А что ты тут делаешь?

— Я приехал в гости к знакомым.

— К каким знакомым?

— К Измайловым.

— А Измайловы уехали в город на трехчасовом. Они ждали гостей, к ним никто не приехал, вот они и уехали в Москву! Все уехали и дачу на замок заперли!

— А где их дача?

— Их дача дальше по дороге.

— А где же пруд?

— Пруд — вот он. Только сейчас он под снегом. — И девочка показала на белую полянку, вокруг которой стояли сосны, укутанные снегом, как кроличьими шкурками.

У Травки опять на глазах показались слезы. А девочка, чтобы утешить его, сказала:

— Хочешь, пойдем к нам в гости?

СОЛНЕЧКА

— Пойдем, — сказал Травка, — только сначала давай познакомимся. Тебя как зовут?

— Меня зовут Сонечка. А тебя?

— Как тебе не стыдно, мальчик? Такой большой, а плачешь!
Вот стыдно!

Травка не успел ответить. На лицо девочки вдруг попал светлый солнечный луч. Он защекотал ей глаза и нос. Сонечка сощурилась и чихнула на всю улицу:

— А-пчихи!

Травка засмеялся и сказал:

— Солнечка, как тебя солнышко-то чихать заставляет!

А потом засмеялся еще громче:

— Как у меня вышло-то смешно — Солнечка! Ну, я тебя так и буду звать — Солнечка. А меня зовут Травка.

— Неправда, — сказала девочка, — таких имен не бывает.

— Нет, бывает. Меня зовут Травкой потому, что я люблю солнышко. И тебя тоже буду любить: ведь ты Солнечка.

Девочка хотела рассердиться, а потом тоже засмеялась.

— Травка!

— Солнечка!

ТРАВКА В ГОСТЯХ

Дети взялись за руки и пошли на станцию. Куклу в санях вез Травка. Дети всю дорогу болтали. Было похоже, что чирикают воробьи.

— А ты на каком поезде приехал?

— Я не на поезде приехал, а на паровозе.

Вот страшно было! Но я ничего не боялся. У меня есть знакомый машинист Беляков, а потом еще начальник станции знакомый!

Травка всё это рассказывал очень важно. Только вдруг Солнечка перебила его:

— У меня у самой папа — начальник станции. Я всегда здесь живу и знаю все поезда.

Они пришли на станцию. Вышел Солнечкин папа.

Дети рассказали ему, как они встретились и все Травкины приключения. Солнечкин папа посмотрел на Травку и сказал:

— Так ты, значит, и есть тот мальчик, который потерялся? Я получил телеграмму. Родители о тебе, небось, беспокоятся.

— Нет, это не я потерялся, — ответил Травка, немного обиженный. — Это папа потерялся. А я — вот он.

Солнечка постаралась всё объяснить. Ну да, папа потерялся у него, а он — у папы.

Начальник станции Пролетарская раздумывал вслух:

— Как же мне с тобой быть? Поезд в Москву пойдет только в семь часов вечера. Ну, да ладно, в девятом часу будешь дома. А пока придется тебе подождать у нас.

Он отвел Травку к себе домой. Жили они рядом со станцией.

Солнечкина мама накормила Травку обедом. А после обеда дети играли в палочку-выручалочку и в метрополитен. Они накрыли четыре стула большими платками и лазили в темноте, как вагоны под землей.

ПАПА И МАМА

Папа и мама Травки не знали, что он жив, здоров и даже весел. Мама сидела дома бледная и с заплаканными глазами. Она ничего не говорила.

Папа звонил по телефону в милицию. В милиции ответили, что нужно было заявить о пропаже мальчика еще на вокзале, но что они поищут. Папа звонил по телефону ко всем знакомым. И все знакомые знали, что пропал Травка. И все знакомые беспокоились вместе с папой и мамой.

Тетя Машенька, руководительница детского сада, несколько раз приходила и спрашивала о Травке.

Травки всё не было.

Наконец папа сказал:

— Я пойду в редакцию газеты. Нужно дать объяв-

ление. Газету все читают. Может быть, кто-нибудь видел нашего сыночка и скажет нам.

Мама ответила печальным голосом:

— Хорошо, иди. Я посижу здесь, у телефона.

РЕДАКТОР

Был уже вечер. Но папа знал, что газета печатается ночью. Ранним утром ее отправляют по железным дорогам во все города и с утра продают на улицах Москвы.

Папа был знаком с редактором. Он рассказал редактору про свое горе. Но тот покачал головой и сказал со вздохом:

— Не могу напечатать про Травку. Никак не могу. Места нет. Вы же знаете, что сегодня выходной день, все отдыхают, и в типографии работает только сорок человек. Мы выпускаем завтра совсем маленькую газету.

— Ну, как-нибудь, Михаил Абрамович, вы же понимаете, такое несчастье... — проговорил папа, и глаза у него заблестели, как у маленького.

В это самое время в комнату вошел сотрудник газеты. В руках у него был большой газет-

ный лист, напечатанный только с одной стороны. Он положил лист на стол. Редактор взял красный карандаш, начал чертить по листу и говорить сотруднику:

— Это выделить (и провел длинную красную черту), это набрать крупным шрифтом (он подчеркнул какое-то слово два раза), а вот это выбросить совсем (он зачеркнул несколько строчек большим красным крестом и приделал к кресту длинный выющийся хвостик).

Потом он поднял голову и сказал папе:

— Ну, ваше счастье! Освободилось местечко. Давайте сюда вашу заметку.

Папа присел к столу и быстро написал, что пропал мальчик, по имени Травка, и если кто-нибудь увидит этого мальчика, обязательно пусть позвонит по телефону к папе на службу или домой. Редактор посмотрел на папино писание, что-то подчеркнул, что-то перечеркнул, что-то исправил и сказал:

— Идите в типографию и скажите, что я прошу немедленно набрать и включить в завтрашний номер.

ГАЗЕТУ НАБИРАЮТ

В типографии было темновато, пахло краской и душным дымом. В первой комнате стояли машины. Каждая из них была величиной в

два стола, поставленных друг на друга. Машины эти называются линотипами. Перед каждой машиной сидело по одному наборщику — линотиписту.

Папа подошел к линотиписту и протянул ему листок. Линотипист положил листок перед собой и стал нажимать клавиши своей машины. Машина застрекотала, словно в ней сидело множество кузнечиков.

Вдруг в машине раздался негромкий звонок. Линотипист повернул ручку, и прямо на стол выпала тяжелая блестящая полоска серебряного цвета.

На одном краешке этой полоски уместились первые слова папиного объявления.

Папа хотел взять полоску в руки, но чуть не закричал: она была горячая, как кипящий самовар.

На машине, которая называется линотип, делаются буквы и строчки из горячего, расплавленного свинца. И, когда строчка готова, нужно обязательно подождать, пока она остынет. А то можно и вправду обжечься.

Десять строчек папиного объявления были готовы в пять минут. Папа надел на руку перчатку, взял строчки и понес их тому самому сотруднику, который приносил к редактору газетный лист.

ВЁРСТКА

Перед сотрудником на большом железном столе было уже уложено много серебряных строчек буквами кверху. Из всех этих строчек получилась большая серебряная доска величиною с целую газету. Папа увидел на этой доске, сложенной из строчек, название газеты, потом какой-то рисунок и много-много маленьких букв. Прочсть их было трудно. Буквы были такие, какие можно увидеть, если посмотреть на газету в зеркало. Сотрудник взял папины строчки и вставил их в свободное место собранной газетной доски.

Вся собранная из строчек, газетная доска лежала в прочной железной раме. Сотрудник покрепче подвернул винты на углах рамы, чтобы строчки не могли рассыпаться, и сказал громким голосом:

— Вёрстка готова. Берите набор в машину. (Сотрудник был здесь самый главный.)

Подшли два рабочих, с трудом подняли раму с газетным набором и понесли ее к печатной машине.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ НОЧИ

Было уже около двенадцати часов ночи. Папа подумал: „А вдруг Травка уже дома, а я тут задерживаю занятых людей?“

Он пошел в контору и оттуда позвонил по телефону домой. Мама спросила испуганным, тихим голосом:

— Кто говорит?

Мама боялась, что Травка попал под трамвай или под поезд. Она вздрагивала от каждого телефонного звонка. Ей казалось, что по телефону она узнает про Травку что-нибудь ужасное.

Папа понял по маминому голосу, что Травки дома нет. Папа постарался говорить как можно веселее, чтобы успокоить ее.

— Это говорю я — папа. Я из типографии. Я сам слежу, как печатается объявление. Завтра мы наверняка всё узнаем.

Было двенадцать часов ночи, а Травки не было дома, и неизвестно, где он был.

ГАЗЕТА ПЕЧАТАЕТСЯ

Раму с газетным набором вложили в машину. В машине был громадный валик, намазанный черной краской. Валик прокатился по газетному набору, и все буквы из серебряных стали черными. Потом машина прижала к набору большой лист бумаги, и все буквы, рисунки, цифры и черточки отпечатались на листе черной краской.

Так получилась газетная страница. Папа подошел к машине и увидел в самом углу страницы свое объявление. Там было напечатано крупными буквами:

ПРОПАЛ МАЛЬЧИК

и дальше было сказано, как зовут этого мальчика и по какому телефону нужно позвонить, если кто-нибудь его увидит.

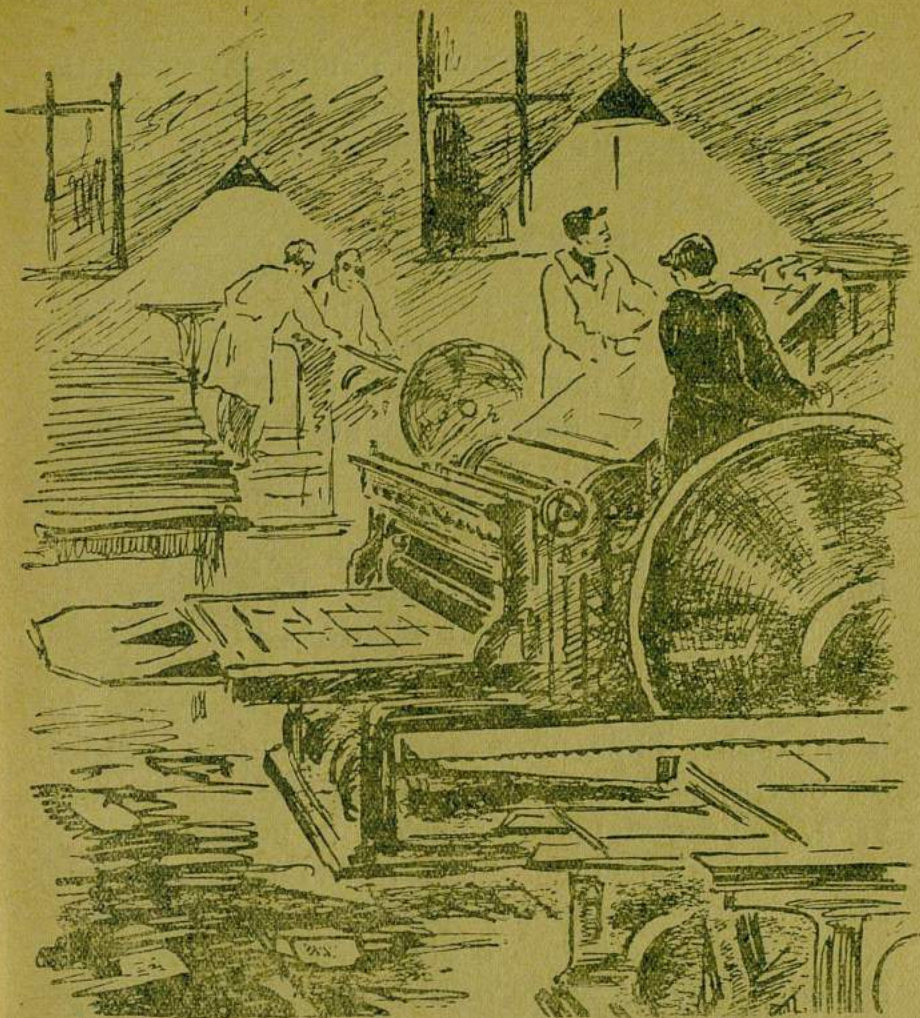
Папа попросил позволения взять один листок газеты. Ему позволили. Листок еще мазался черной краской. Папа аккуратно сложил его и спрятал в карман — показать маме. Потом папа поехал домой, в Петровский парк.

А ТРАВКА УЖЕ ДАВНО ВЫЕХАЛ ДОМОЙ

В половине седьмого за Травкой пришли со станции Пролетарская. Ему не хотелось уезжать. Уж очень весело было играть с Солнечкой! Но ведь в Москве ждали и беспокоились папа и мама.

Травка попрощался со всеми за руку и сказал на прощанье своей новой подруге:

— Солнечка, ты приезжай к нам в детский сад. У нас есть лыжи и санки, мы с тобой покажемся с горы. Я покажу тебе трехтрубный крейсер и нашу общую железную дорогу.

Раму с газетным набором вложили в машину.

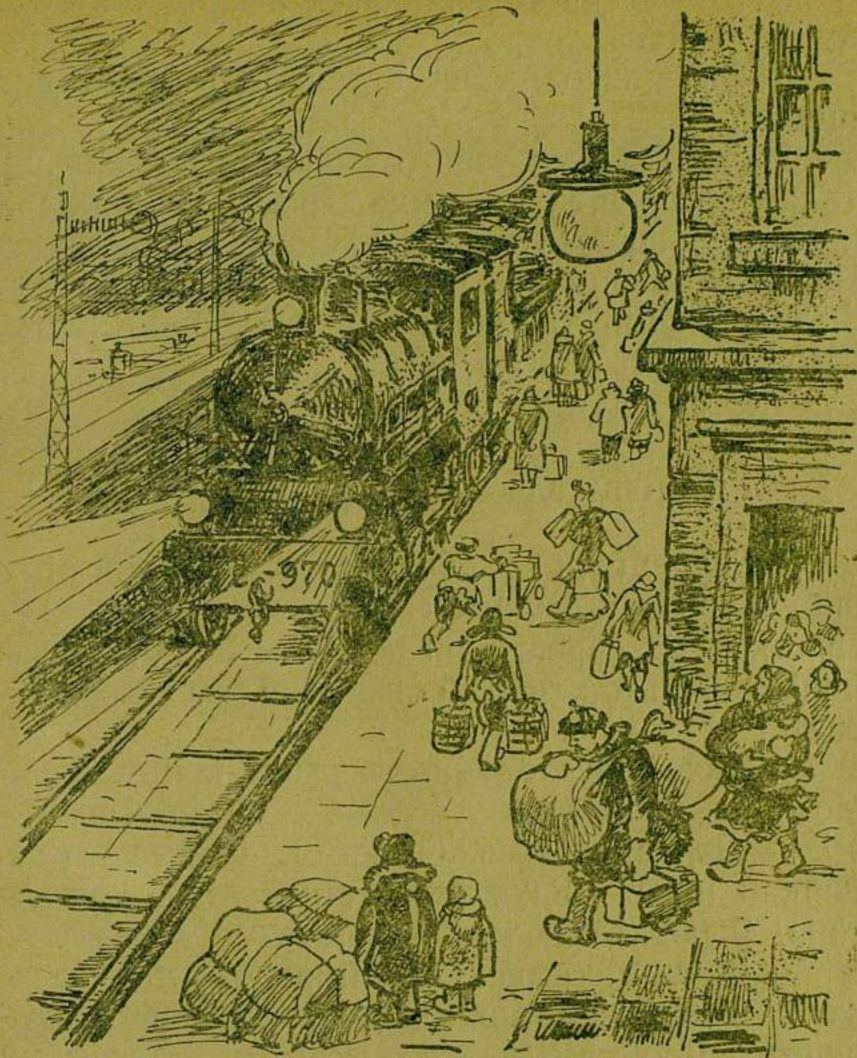
Солнечкина мама смотрела на Травку и улыбалась.

Потом Травка оделся и пошел на станцию. Солнечка хотела его проводить, а мама не пустила — поздно.

ПОЕЗД ПОДХОДИТ

Было уже темно. Травка стоял с Солнечкиным папой на платформе. Вдали загромыхал поезд. Впереди у него было три фонаря. Они светили в темноте, как маленькие яркие окошки.

Пассажиры засуетились и забегали. Колхозник в желтом полушубке, с двумя тяжелыми корзинами в руках, побежал навстречу поезду. Какой-то гражданин выбежал из станции; в одной руке у него был громадный узел, а в другой — ребенок лет четырех. Он положил узел на платформу, поставил ребеночка рядом и бросился обратно в здание станции. Вдруг он опять выскочил; в одной руке он держал узел, еще больше прежнего, а подмышкой у него был ребеночек двух лет. Гражданин поставил этого ребеночка рядом с первым, положил узел и опять убежал. Потом он снова вышел; в руках у него было два узла и корзина. Сзади него шла женщина, у которой на руках был грудной ребенок и много маленьких свертков.

Поезд подходил со страшным грохотом и шумом.

„Это, наверное, мама всех этих детей“, подумал Травка.

Поезд подходил со страшным грохотом и шумом.

Травка закрыл уши руками. Он не боялся — только уж очень громко громыхал поезд и очень уж он был большой. Поезд остановился. Паровоз зашипел и задышал, как будто ему было страшно трудно везти за собой столько вагонов и он сильно устал.

СТАРШИЙ КОНДУКТОР

К Солнечкиному папе подбежал седой строгий человек с записной книжкой в руках и со свистком на серебряной цепочке. Это был старший кондуктор, самый главный во всем поезде.

— Всё благополучно, — сказал кондуктор. — Можно отправляться?

— Отправляйтесь, Семеныч, — ответил Солнечкин папа. — Захватите кстати этого мальчугана. С родителями разъехался.

— Куда же его? В милицию, что ли, сдать?

— Зачем же в милицию? Он мальчик смывленный. Посадите его в трамвай, доедет до дому.

— Конечно, доеду! — сказал Травка.

ДОМОЙ!

Травку посадили в отдельную комнатку вагона. Там ехали только кондуктора. Билета у Травки никто не спрашивал, и никто с ним всю дорогу не говорил.

В Москве на вокзале быстро-быстро провели его через служебный проход. Травка хотел спросить, где его знакомый, Николай Иванович, но побоялся: кондуктор, который вел Травку, был очень сердитый. Травку вывели из вокзала на улицу и оставили под часами. Кондуктор спросил только на прощанье:

— Деньги-то у тебя есть?

— Есть, — ответил Травка.

— Ну, садись на трамвай и поезжай домой.

ТРАМВАЙ ИДЕТ В ПАРК

Мимо вокзала шел трамвай, совершенно пустой. Травка сбежал со ступенек вокзала, побежал, побежал и догнал трамвай у самой остановки.

Вместе с Травкой в вагон садилось очень много людей. Они торопились и толкали друг друга. Трамвайный кондуктор стоял на площадке и кричал громким голосом:

— Трамвай идет в парк! Трамвай идет в парк!

„А мне и надо в парк“, подумал Травка, схватился за ручки и вошел в вагон.

Другим пассажирам, видимо, нужно было не в парк, и поэтому в вагоне оказалось много свободного места. Травка забрался в самый уголок, встал на колени и начал смотреть в окно.

Громадные дома, освещенные и снаружи и внутри, казались волшебными воздушными замками. Они уходили в самое небо. Трамвай остановился перед одним таким высоким домом. Травка хотел сосчитать, сколько в нем этажей, но это оказалось очень трудно. Получалось то девять, то десять, то одиннадцать. А один раз получилось даже четырнадцать этажей. Никак нельзя было ставить замечочек, какой этаж сосчитан, а какой нет, и поэтому ничего не выходило.

Вагон спускался с горы на какую-то большую площадь. В темноте были видны разноцветные огоньки трамваев (у каждого номера огоньки своего цвета), огни светофоров, автобусов и автомобилей. Всё это вместе издали было похоже на пышно разукрашенную новогоднюю елку.

Травка вспомнил приятный запах елки, и ему почему-то стало немного грустно. Новый год с елками уже прошел, и дожидаться следующей елки нужно было очень-очень долго.

Потом Травке стало больно стоять на коленях.

Скамейка оказалась деревянной и очень твердой. Вагон качало, а держаться было не за что.

Травка спустил ноги со скамейки, уселся поудобнее и уснул. Во сне он видел Солнечку, рыжего дядю, Николая Ивановича, машиниста Белякова, ребят из детского сада и свою маму. Мама будто шла на машинке. Машинка шумела: ук-ук-ук-ук...

Травке было тепло и уютно, иногда только дуло в ноги. Тогда Травка говорил маме:

— Мама, закрой форточку!

Мама закрывала форточку, и снова становилось тепло.

ТРАМВАЙНЫЙ ПАРК

Оказывается, вагон шел не в Петровский парк, где жил Травка, а в трамвайный парк, куда собираются трамвайные вагоны на ночь.

Был еще только вечер, а этот вагон кончил работу раньше других вагонов.

Как только вагон вошел в парк, кондуктор поспешил в контору сдавать билетные деньги. Человек, который управляет трамвайным мотором и ведет вагон, вагоновожатый, взял ключи от мотора и ушел, даже не заглянув в окошко. Обоим им хотелось поскорее освободиться. Был выходной день. Кондуктор собирался в клуб, а вожатый — в театр.

А Травка в вагоне крепко спал, свернувшись на лавочке. Снаружи его не было видно.

УБОРЩИЦА МАРЬЯ ПЕТРОВНА

Ночью в парк стали собираться трамвайные вагоны.

Пришла ночная смена рабочих.

Уборщица Марья Петровна выметала вагоны и тряпкой протирала стекла окон. Она первая увидела спящего Травку.

— Батюшки, что же это такое? Мальчик в вагоне спит! Кто же его здесь оставил? Вставай, мальчик! Мальчик!

Травка повернулся и сквозь сон пробормотал:

— Мамочка, я никуда больше не поеду.

Только дай мне поспать!

Марья Петровна взяла Травку за плечи и сильно потрясла.

Травка открыл глаза, увидел незнакомую женщину, испугался и громко закричал:

— Мама! Мама!

— Ну что ты, мальчик, не бойся, — ласково сказала Марья Петровна. — С мамой ехал? Как же она тебя забыла?

— Нет, я один ехал, — ответил Травка.

Тут ему стало очень жалко себя. Он вспомнил, что потерялся еще утром, подумал, что никогда уже больше не увидит папу и маму, и горько заплакал.

— Хочу домой — к маме!

Марья Петровна забеспокоилась: что делать с мальчиком глубокой ночью?

Травка плакал всё сильнее и сильнее.

Тогда Марья Петровна сказала:

— Ах ты, горе мое! Ну не плачь! Утром найдем твою мамочку. Как звать-то ее, знаешь?

— Зна-аю!

— Вот утром встанешь, спросим адрес в Справочном бюро, и я отвезу тебя к мамочке.

— Да я сам знаю адрес! — чуть не закричал Травка. — Что же я, совсем глупый, что ли? Петровский парк, Липовая аллея, шестнадцать.

— В Петровском парке все аллеи липовые, — проворчала Марья Петровна в ответ. — Завтра утром встанешь, и посмотрим, какая аллея — липовая или березовая. А сейчас пойдем, милый. Там отдохнешь.

И она повела Травку по трамвайному парку.

ГДЕ НОЧУЮТ ТРАМВАИ

Травке очень хотелось спать, но, когда он вышел из вагона, сон прошел совершенно.

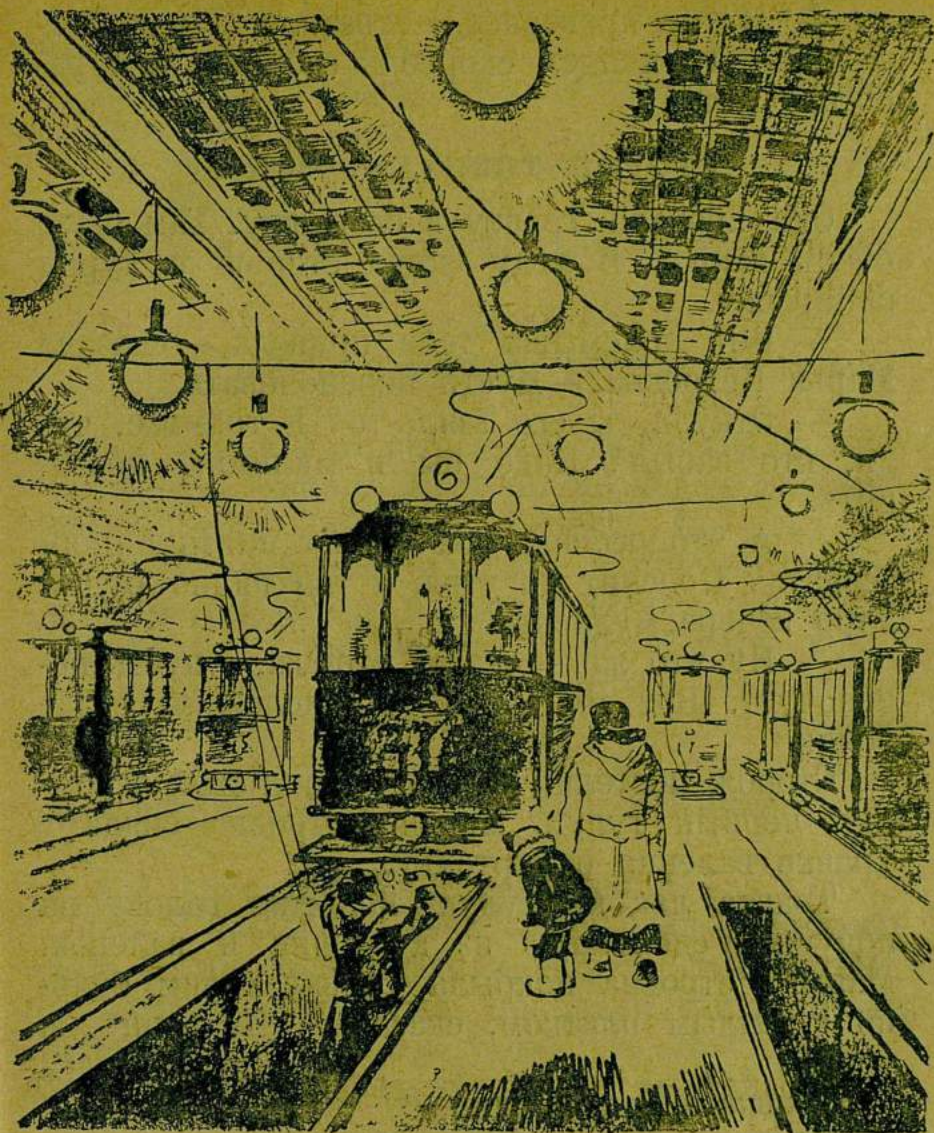
Ему никогда не приходилось видеть столько трамвайных вагонов сразу. Вагоны стояли длинными рядами, и высоко над ними была стеклянная крыша. Под крышей висели громадные фонари. Они светили так, что на них было больно смотреть. На земле, между трамвайными рельсами, были глубокие канавы. В одной такой канаве стоял рабочий.

Рабочий крикнул:

— Давай!

Трамвайный вагон двинулся и наехал на рабочего сверху. Травка нагнулся посмотреть под колеса вагона, что будет дальше. Рабочий стоял под трамваем. В одной руке у него была электрическая лампа, а в другой — большая отвертка.

— Что он там делает? — спросил Травка.

Травка нагнулся посмотреть под колеса вагона, что будет
дальше.

— Мотор проверяет,—ответила Марья Петровна.—Ну, пойдем скорее к сторожу, мне работать надо.

СТОРОЖ ТОЖЕ ХОРОШИЙ

Она провела Травку в сторожку. Там было очень жарко. В углу сидел сторож и курил папироску.

— Вот приемыша тебе привела,—сказала Марья Петровна.—Пусти переночевать.

— Откуда ты его взяла-то? В трамвае, что ли, кто забыл? Надо бы в милицию позвонить.

— А что ребенка зря ночью по милициям таскать? Проспит до утра, а там видно будет. Утро вечера мудренее.

— Ну что же,—сказал сторож,—пусть переночует. Вот мы сюда его положим, возле печки.

Сторож постелил прямо на пол свой огромный черный тулуп. Марья Петровна сняла с Травки валенки и курточку.

Травка лег на тулуп, положил голову на подушку, сделанную из курточки и валенок. Марья Петровна покрыла Травку своим большим теплым платком, сказала: „Ну, спи“, и ушла.

Травка остался один со сторожем и стал думать:

„Паровоз ходит потому, что там пар. А трамвай почему ходит?“

Он открыл глаза. Сторож смотрел на него и улыбался.

— Ты чего там бормочешь? — спросил сторож у Травки.

— А я думаю, отчего трамвай ходит.

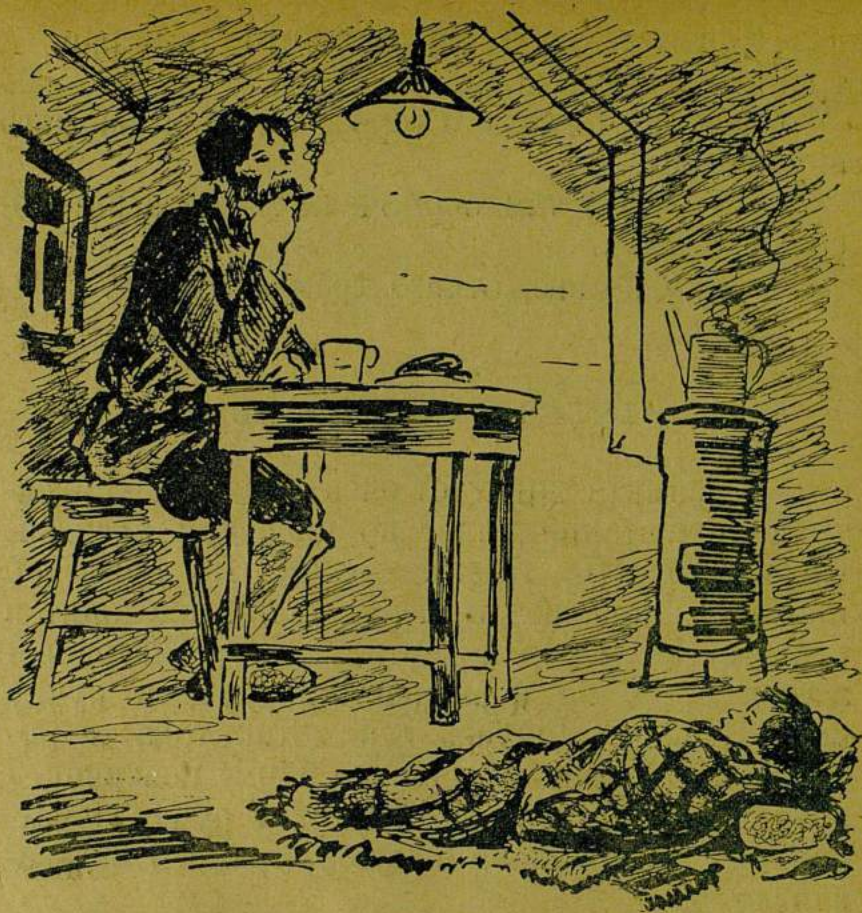
ОТЧЕГО ХОДИТ ТРАМВАЙ

— Трамвай ходит от электричества. С электрической станции идет по проводам электрический ток. На трамвае — дуга. По дуге ток проходит, попадает в мотор, а потом уходит в рельсы. Ну, мотор и вертит колеса. Вагоновожатый стоит на передней площадке и ручку поворачивает. Допускает в мотор тока то побольше, то поменьше. Больше ручку повернет — и трамвай идет скорее. Повернет ручку обратно — ток не попадает в мотор, трамвай останавливается.

— А троллейбус отчего ходит?

— Троллейбус, небось, все равно что трамвай. Только без рельсов. Вместо дуги у него на крыше две удочки. По одной ток проходит в мотор, а по другой уходит из мотора.

— А в метро поезд отчего ходит? Там ни дуги, ни удочек на крыше.

Сторож любил поразговаривать и с удовольствием отвечал Травке:

— Всё равно от электричества ходит. Не гляди, что под землей. Провод с электричеством помещается внизу, не выше вагонных колес. А вместо дуги там, говорят, есть такая лапка. Она скользит по проводу, и с нее ток по-

падает в мотор. А из мотора опять же в рельсы.

— Вот что!.. — сказал Травка. — А санитарный автомобиль отчего ходит?

— Небось, оттого, отчего все автомобили ходят. Автомобили, небось, ходят...

Но Травка не дослушал, отчего ходят автомобили. В сторожке стояла чугунная печка. От печки было тепло. На тулупе было мягко.

Глаза у Травки закрылись. Травка спал.

УТРОМ

Рано утром Марья Петровна разбудила Травку.

Вставать не хотелось. Но, когда Травка вспомнил папу и маму, он сразу проснулся. Неужели его не ищут?

Он сказал Марье Петровне:

— Тетенька, пойдемте скорее к маме!

— Нет, милый, — сказала тетенька, — сначала чайку нужно попить, да и Справочное бюро еще не открыто.

Сторож снял с печки чайник, достал стаканы, сахар и баранки. Марья Петровна, сторож и Травка попили чайку.

Снаружи трамвайный парк был довольно похож на обыкновенный трехэтажный дом. Он был из красных кирпичей, только гораздо больше трехэтажного дома и совсем без окон. Вместо окон парк был покрыт стеклянной крышей.

На здании парка помещались большие часы. Маленькая стрелка на часах показывала 9, а большая — 12.

Из парка выходили последние трамваи и отправлялись в разные стороны. На трамвайных остановках толпился народ. Трамвайные вагоны были переполнены. Все спешили на работу.

Ночью выпал снег, и на площади работали снегоочистительные машины. Их было несколько, и все разные.

Одна машина только соскребала примерзший к асфальту снег косыми круглыми скребками, другая собирала его в кучи, а третья совками подбирала его и сваливала на грузовик. Совки были расположены лесенкой, один за другим. Совок за совком подходил к снеговой куче, зачерпывал снег, поднимался вверх и опрокидывался над ящиком грузовика.

Движение совков было похоже на движение ступенек эскалатора — лестницы на метро.

Вдруг над самым ухом Травки раздался гу-

док. Травка рванулся в сторону. К тротуару подошел закрытый грузовик с надписью „ХЛЕБ“. К нему были прицеплены два маленьких грузовичка без моторов. На одном тоже было написано: „ХЛЕБ“ и „БУЛОЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ“, а на другом — „КОНДИТЕРСКИЕ ТОВАРЫ“.

Большой „ХЛЕБ“ остановился, из него вышел человек и отцепил маленькие грузовички. В грузовичках открылись стеклянные стенки. Там сидели люди в белых фартуках.

Оказывается, это были магазинчики на колесах. Тут Травка что-то вспомнил и полез в кар-

ман. Там вместе с ножичком лежал скомканный бумажный рубль.

Травка подошел к магазинам на колесах, купил в одном две булочки, а в другом — две ириски и две конфетки в виде маленьких куколок. Он хотел было купить по три штуки всего, но Солнечка была далеко, и к ее приезду можно было купить еще. Сейчас были только Травка и Марья Петровна. Марья Петровна сначала отказывалась, а потом все-таки взяла угощение, но есть не стала, завернула в платок. Может быть, она сама хотела кого-нибудь угостить.

НА ПЕРЕДНЕЙ ПЛОЩАДКЕ

Подошел трамвай. Марья Петровна вошла на переднюю площадку трамвайного вагона и Травку взяла с собой.

Вагоновожатый сказал очень строго:

— Проходите, женщина с ребенком, в вагон. Здесь не полагается стоять.

Марья Петровна показала вагоновожатому маленький блестящий номерок и сказала:

— Свой. И мальчик со мной.

Больше они не стали разговаривать. Наверное, разговаривать им больше было не о чем.

Травка дожевывал булку и смотрел по сто-

ронам. То и дело попадались новые высокие светложелтые и светлосерые дома, один красивее другого.

Марья Петровна ехала с Травкой узнавать адрес Травкиной мамы. Она боялась отпустить Травку одного. Она думала, что мальчик адреса не знает. А то почему бы он заблудился?

А на самом деле он знал и адрес и номер телефона. Но Марья Петровна толком у него не спросила.

Они ехали на передней площадке.

ТОРМОЗ

Травка стал смотреть, как работает вагоновожатый.

Левой рукой вагоновожатый поворачивал большую ручку с круглой деревянной головкой.

Травка вспомнил, что рассказывал ему сторож в трамвайном парке, и подумал:

„Ишь ты, как мотор громко гудит, когда в него попадает электрический ток!“

Вдруг Травка услышал какое-то шипенье: ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Травка вспомнил, что слышал такое же шипенье, когда открывались и закрывались двери в поезде метро. Но здесь двери открывали сами

пассажиры. А когда раз дверь осталась открытой, ее закрыла Марья Петровна.

Сначала он испугался. Он подумал, что испортился электрический мотор. Но Марья Петровна стояла, как будто ничего не случилось. Вагоновожатый тоже спокойно смотрел вперед и только изо всей силы наступал ногой на звонок. Головка звонка торчала из пола. Она была похожа на шляпку большого толстого гвоздя.

Раздавался громкий трамвайный звон: дянннь-дянннь-дянннь-дянннь... А кроме звона — шипенье: ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Люди бегом перебежали трамвайные рельсы. А когда путь был свободен, вагоновожатый снова поворачивал ручку. Трамвай переставал звонить и шипеть и шел быстрее.

„Что же это шипит?“ думал Травка.

Спросить было не у кого. Марья Петровна казалась очень сердитой, а с вагоновожатым во время движения разговаривать нельзя. Об этом даже написано на передней площадке.

Вагон подходил к большой площади. Вагоновожатый повернул ручку; вагон замедлил ход, снова зашипел и остановился. Тут Травка заметил, что шипело тогда, когда вагоновожатый поворачивал правой рукой маленькую ручку. Под ручкой была надпись:

ТОРМОЗ ВЕСТИНГГАУЗА

Марья Петровна взяла Травку за плечо и сказала:

— Ну пойдем, надо нам сходить. Вон будка-то стоит — Справочное бюро.

Когда они сошли с трамвайных ступенек, Травка сказал:

— А я знаю, зачем тормоз. Тормоз — это чтобы останавливать вагон. На паровозе тоже есть тормоз. И он работает самым обыкновенным воздухом, только крепко накачанным машиной.

— И всё-то он знает, и всё-то ему нужно, — проворчала Марья Петровна. — Розги бы тебе!

Травка посмотрел на Марью Петровну. Она была сердита. Она работала всю ночь и, наверно, устала.

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

Это была не та справочная будка, откуда мама отправляла почтотелефонограмму. Это была другая.

Марья Петровна подошла с Травкой к стеклянному окошечку будки. Окошко было закрыто. Заведующий читал газету.

Марья Петровна не знала, что делать. Травка тоже не знал, что делать. Он стал читать объявление:

ЗДЕСЬ МОЖНО УЗНАТЬ
АДРЕС ЛЮБОГО ЖИТЕЛЯ ГОРОДА МОСКВЫ

Прошло немного времени. Заведующий заметил Марью Петровну, положил газету, открыл окошко и спросил:

— Вам что угодно, гражданка?

Марья Петровна ответила:

— Мальчишечка вот родителей потерял. Адресочек бы ихний узнать.

Заведующий высунул голову в окошко и увидел Травку.

— Какой мальчишечка? Вот этот?

— Да, этот самый. В трамвае его нашла. Адресочек бы мне. Я бы его домой отвезла, к папаше с мамашей.

— Постой, постой! — сказал заведующий и взял газету.

В самом углу газеты было напечатано объявление:

ПРОПАЛ МАЛЬЧИК

— Как зовут мальчика-то?

Травка услышал этот разговор и сказал:

— Меня зовут Травка. Это пока я маленький. А когда я вырасту большой, меня будут звать...

Но заведующий не дал ему договорить, громко засмеялся и закричал:

— Ну, конечно, он — Травка! Его родители второй день уже ищут. Вот и объявление в газете. Сейчас мы позвоним по телефону.

У ПАПЫ НА СЛУЖБЕ

Папа сидел на службе очень печальный. Целую ночь они с мамой не спали. Всё ждали каких-нибудь вестей. Утром папа пошел на службу, а мама осталась дома, совсем больная.

На папиной службе все уже знали, что Травка потерялся.

Все жалели папу и раздумывали, куда мог деться его сын.

Одни говорили, что мальчик найдется, а другие — что он, наверное, попал под колеса поезда или что-нибудь еще.

Вдруг раздался телефонный звонок.

Папа взял телефонную трубку и услышал:

— Ваш мальчик нашелся. Сейчас же поезжайте на Пушкинскую площадь. Он стоит у Справочного бюро, рядом с женщиной в сером платке.

— Пожалуйста, держите его! — закричал папа в телефон. — Не отпускайте его ни на минуту! Не спускайте с него глаз! Держите его крепче!

Служащие, которые сидели с папой в одной

комнате, повернули головы к папе и слушали изо всех сил. Как только папа положил трубку, все вскочили со своих стульев, бросились к папе и разом заговорили:

— Что случилось? Поймали? Поймали? Неужели нашелся? Я же говорил!

Из соседней комнаты прибежала женщина и запищала:

— Неужели отрезало обе ноги? Ведь я же говорила!

Папа встал и сказал решительно:

— Пока не увижу его собственными глазами,

ничего не скажу! — Потом он быстро вышел в переднюю, схватил пальто и шапку и бегом бросился вниз по лестнице.

От папиной службы до Пушкинской площади ходил автобус № 1.

Папа вскочил на автобус. Пальто он успел надеть только в один рукав. На голове у него была чужая шляпа. Калош он не надел совсем: так он спешил.

ЗА БЕНЗИНОМ

Только в автобусе папа немного отдышался. Он сел поближе к шоферу.

Автобус шел быстро. У папы билось сердце. Ему хотелось поскорее увидеть Травку.

Вдруг папа заметил, что автобус идет не к Пушкинской площади, а куда-то совсем в другую сторону. Папа бросился к кондуктору:

— Скажите, кондуктор, куда это мы едем?

— За бензином, — ответил кондуктор.

— Зачем за бензином? За каким бензином? Почему же вы даете билеты до Пушкина, а сами едете за бензином?

— Не волнуйтесь, гражданин, куда взяли билет, туда и приедете. А без бензина вовсе никуда не приедете. Бензин выйдет — и мотор перестанет работать.

В это время автобус завернул на маленькую площадь.

Здесь стояла небольшая стеклянная будка, а возле будки колонка с высокими прозрачными стаканами и большим круглым циферблатом. На колонке виднелся белый матовый шар с надписью: „Бензин“.

В общем, колонка была похожа на огромный градусник, который ставят подмышку больным.

ОТЧЕГО ЖЕ ХОДЯТ АВТОМОБИЛИ?

У будки стояла очередь автомобилей — грузовиков, такси ЗИСов и обыкновенных „эмочек“. Был даже один автомобиль для поливки улиц. Зачем он сюда прибыл зимой — неизвестно.

Однако автобус подкатил к бензиновой колонке вне очереди. Шофер вышел из своей будки и подошел к железному баку, который был приделан сзади автобуса. Бак был закрыт большой медной пробкой. Шофер отвинтил пробку, пошел к бензиновой колонке и взял там у служащего резиновую кишку с медным наконечником. Наконечник кишки ввинтили в бак вместо пробки. Служащий повернул ручку, и стало видно, как в стеклянных стаканах колонки появился бензин. Бензин пошел по кишке прямо в автобусный бак. Стрелка циферблата

отсчитывала, сколько бензина утекает в автобус.

Когда стрелка показала тридцать литров, шофер сказал:

— Довольно!

Потом он стал лить в мотор густое желтое машинное масло, потом стал проверять мотор — то заведет, то остановит.

Папа несколько раз подходил к шоферу и просил его ехать поскорее.

— Ничего, успеете, — ответил шофер. — Мы только раз в день останавливаемся; набираем бензина и масла сразу на шесть часов работы. Ничего, успеете! Всё скорее, чем на трамвае.

Наконец шофер залез в свою будку, дал гудок. Пассажиры расселись по местам, и автобус тронулся.

НЕУЖЕЛИ ТРАВКА С НОВА ПРОПАЛ?

Будка Справочного бюро была видна издалека. Около нее толпился народ, целая очередь.

Папа подбежал к будке и, расталкивая руками людей, стал искать Травку. Травки не было.

Тогда папа извинился и сказал громко:

— Граждане, не видел ли кто-нибудь женщину в сером платке и с ней мальчика? Маленький такой! Травка его зовут!

Какой-то гражданин, стоявший в очереди, ответил за всех:

— Нет, не видали.

У папы сразу упало сердце. Он подумал: „Неужели Травка снова пропал?“

ВСТРЕЧА

— Позвольте, позвольте, — сказал вдруг человек в меховой куртке и с портфелем в руках. — Они, кажется, в будке телефона-автомата. Я сейчас вызывал для них номер К4-18-68. Даже свой собственный гривенник в автомат опустил.

Телефон-автомат помещался тут же, при Справочном бюро.

Папа обошел будку и увидел через стеклянную дверь своего Травку. Травка говорил по телефону.

Он заметил папу, отдал телефонную трубку Марье Петровне и выбежал из будки.

Папа поднял Травку на руки, а Травка обнял папу за шею.

Они сначала ничего не говорили — так им было хорошо вдвоем.

Марья Петровна стояла рядом и утирала слезы своим серым платком.

Наконец Травка сказал:

— Папочка, где же ты был так долго?

„Неужели Травка снова пропал?“

Я тебя ждал, ждал!.. А ты все не едешь! Я замерз весь. А потом я с мамой говорил по телефону. Мама здорова, только немного соскучилась без меня.

домой!

Папа попрощался с Марьей Петровной, поблагодарил ее, сказал, чтобы заходила в гости. Травка тоже с ней попрощался. Потом они с папой сели в автобус и поехали домой, в Петровский парк.

По дороге Травка рассказывал свои приключения, а папа — свои. Травка спрашивал:

— Мы позовем в гости Солнечку?

— Позовем обязательно, — отвечал папа.

— А Николая Ивановича?

— И Николая Ивановича позовем.

— А Солнечкиных папу и маму?

— Позовем, позовем.

— Папа, а я знаю, отчего ходит троллейбус!

— Вот и хорошо!

— Папа, а я знаю, где ночуют трамваи!

— Вот и отлично!

— Папа, скажи, а троллейбус не может ходить там, где нет для него проводов?

— Конечно, не может.

— А автобус?

— Автобус может.

— А этот автобус куда пойдет после нас?

— Туда, дальше, до заставы.

У Травки загорелись глаза.

— Папочка, милый, поедem когда-нибудь на заставу!

— Зачем?

— А там посмотрим настоящих пограничников.

— Так это вовсе не пограничная застава. До пограничной заставы далеко, те заставы на самых краях СССР. А эта только на краю Москвы.

Когда приехали домой, мама заплакала, а папа стал часто вынимать носовой платок и вытирать глаза и нос.

Тогда Травка спросил:

— Что же вы плачете? Какие вы смешные!

— А мы боялись, что ты совсем пропал, — ответил папа.

— Ну, — сказал Травка, — как же я пропаду? Я уже не очень маленький. Я средний.

Мама и папа, конечно, улыбнулись, а Травка вдруг заторопился:

— Что же я-то? Я и так опоздал на музыкальные занятия! Идите скорее на работу. Вечерком увидимся и поговорим.

Тут Травка схватил свои вещи и побежал в детский сад.

ВОТ И ВСЯ ПОВЕСТЬ

Вот и вся повесть о том, как Травка чуть было не потерялся совсем. Травка и сейчас живет с папой и мамой в Петровском парке.

В этой повести всё правда.

Ходят по всей земле паровозы и поезда, несется по проволокам электрический ток, в городах печатаются газеты, шумят трамваи, автобусы, автомобили, гудит под землей метро, а по радио раздается музыка и человеческие голоса.

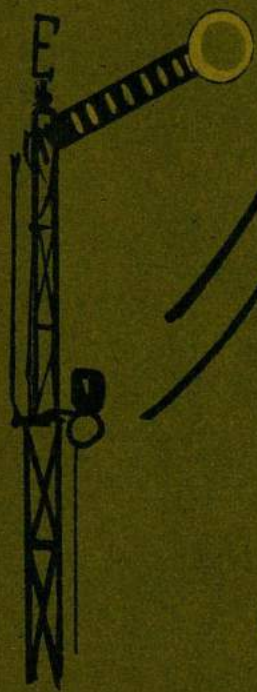
Правда и то, что везде работают люди и что живет где-то на свете маленькая девочка Солнечка, которую я люблю и которой посвящаю эту повесть.

~~1944~~

~~29292~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

200-

Цена Зр. 50к.